Илона Волынская
Кирилл Кащеев
ВОИН СНОВИДЕНИЙ
Ирка Хортица — суперведьма!

Илона Волынская
Кирилл Кащеев

Воин сновидений

Серия «Ирка Хортица – суперведьма», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648855
Волынская И. Кащеев К. Воин сновидений : Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46543-9

Аннотация

Ирка, Танька и Богдан не собирались совершать подвигов. Друзья хотели тихо и спокойно вернуться домой… Но не вышло. Ведь границы реальности были нарушены, и ужасные демоны прорвались в наш мир! Вот они, возникают друг за другом и кошмарной кавалькадой несутся над облаками! Дух со множеством огненных глаз, бледная дама в черной карете, уродливый карлик, живая голова, давно привыкшая обходиться без тела, грозный скелет в металлической короне… В прошлом появление любого из этих чудовищ приводило к катастрофе. Сейчас они пришли все вместе. Смогут ли их остановить две юные ведьмы и воин сновидений?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 6
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 22
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 35
Глава 15 39
Глава 16 43
Глава 17 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Илона Волынская, Кирилл Кащеев
Воин сновидений

Глава 1
Все предыдущие рождения проводницы

– Чай будете? – поинтересовалась дородная проводница, выкладывая на полку три запечатанных пакета с бельем. И, не выдержав, снова бросила любопытный взгляд на устроившуюся в купе компанию. Эта троица заинтересовала ее еще у дверей вагона: мальчишка и две девчонки лет одиннадцати-двенадцати, усталые и помятые. По запачканной одежде и рюкзакам их легко было принять за туристов. Проводница таких много навидалась. Любители старины, после того как вдоволь набродятся по старым улочкам Каменца-Подольского, облазят башни старого Каменецкого замка, возвращаются автобусом на вокзал заурядного городка Хмельницкий, чтобы разъехаться по домам. Правда, большинство туристов предпочитали наезжать летом или ранней осенью, а не холодным слякотным ноябрем. Но, главное, проводница никогда еще не видела, чтобы в дополнение к обычным курткам и джинсам девочки-туристки носили здоровенные, как кофейные блюдца, старинные золотые серьги с самоцветами такого размера, что дыхание перехватывало. Что камни настоящие, а сережки – подлинный антиквариат, женщина ни секунды не сомневалась. Когда всю жизнь в дороге, в чем угодно разбираться научишься. Точно так же плохо сочеталась с рюкзаками подростков плоская сумка, в которой наверняка прятался ноутбук.

Проводница сразу насторожилась. В последнем номере любимой ею газеты «НЛО» четко сказано: надо обязательно прислушиваться к своему подсознанию! Сознание – оно по сравнению с подсознанием просто тьфу необразованное, восемь классов школы и железнодорожный техникум! А в подсознании – мудрость веков, память о предыдущих рождениях души! Предыдущих рождений у проводницы было о-го-го – ей их в специальном центре прямо на компьютере высчитали! В шкафчике у нее хранились бумаги, где черным по белому напечатано, что раньше она была царицей Савской, Жанной д'Арк и Роксоланой, турецкой султаншей украинского происхождения!

Женщина и сама считала: ей бы только вес немножко сбросить (килограммов двадцать-тридцать) – и вылитая Ольга Сумская, что играла Роксолану в сериале. Сходство с растолстевшей султаншей освещало жизненный путь работницы железной дороги неземным сиянием, которое золотой пылью опадало на пол в тамбуре. Так что если подсознание говорит, что замызганные куртки при золотых сережках – это неспроста, считай, лично Жанна д'Арк подсказывает! Отнестись надо со всей серьезностью.

Прежде чем собирать билеты, проводница наскоро оббежала весь вагон с сандаловыми курительными палочками, прилагавшимися к журналу «Тайны и загадки». Брахшастрах Просветленный обещал, что от их аромата добро просветляется, а зло отвращается, чихая. А кроме того, после ритуального очищения вагона не так сильно воняло из туалета. Что окончательно укрепляло авторитет Брахшастраха.

– Чай будем, – не догадываясь о тонких душевных движениях проводницы, тряхнула серьгами светловолосая девочка. Потянула носом струящиеся из коридора ароматы… и чихнула. – Ох, извините, – девчонка чихнула еще раз, вытащила из кармана платок и сквозь него пробубнила: – Если можно, с лимоном. Три стакана.

Так-так. Чихаем, значит. Я-асненько.

Проводница мельком глянула на оставшуюся пустой четвертую полку купе и поинтересовалась:

– Одни едете? Взрослых с вами никого?

Вторая девочка, с черными, как вороново крыло, волосами, неотрывно глядевшая в проносящуюся мимо ночную тьму, густо пересыпанную огоньками деревень, звучно чихнула и отвернулась от окна. Проводница увидела ее недоуменно приподнятые брови, будто углем вычерченные на необычайно бледном лице. Под вопросительным взглядом зеленых глаз женщина вдруг почувствовала себя… невероятно глупо. Как будто она со своим вопросом не к детишкам сунулась, а сорокалетних мужиков из соседнего купе спросила – едут ли с ними взрослые?

– На каникулах в Каменце развлекались? – стараясь справиться с неожиданным замешательством, пробормотала проводница.

– Угу. Играли, – зловеще процедил забившийся в угол парнишка и тоже чихнул. Проводница с замиранием сердца увидела, как из длинного свертка в его руках вдруг блеснула сталь… Ярко-красные, будто напомаженные, губы черноволосой искривились усмешечкой настолько пакостной, что проводница поняла – она совсем не удивится, если узнает, что Каменец-Подольский разрушен до основания, и виноваты в этом трое ребятишек.

– А теперь домой? – невольно пятясь, пролепетала проводница.

– Домой, – кивнула светловолосая, и в голосе ее слышалось чувство выполненного долга.

Проводница повернулась и ринулась прочь из купе. Она пронеслась вдоль коридора, невольно прислушиваясь к доносящемуся из-за каждой двери чиху, вбежала к себе, торопливо закрыла двери и внимательно огляделась, что-то прикидывая. Переставила никелированный чайник на другую полку, а стоящие под койкой ботинки повернула носками строго на север. Вот теперь фэн-шуй! Только после этого она вытащила три стакана на подстаканниках, опустила в них пакетики чая и залила кипятком. Нетерпеливо поглядывая на разбухающие пакетики, принялась листать затрепанную книжищу «Гадания на пакетиках с чаем и растворимом кофе». Не понесет она этой странной троице чай, пока все не выяснит! Потому как, кажется, уже не одна Роксолана, но и царица Савская, и Жанна, и даже шаманка племени Зо-йо-опа, которой проводница была в своем первом рождении, в один голос вопили: по сравнению с тем, что может учинить в ее вагоне эта троица, даже крушение покажется безобидной шуткой.

Глава 2
Главный приз – билет домой

– Похоже, мы ее напугали, – задумчиво сказала Танька.

– Неудивительно, – буркнул Богдан, вытаскивая из целлофановых пакетов свой меч и с придирчивым прищуром изучая клинок. – Мне и самому на вас глядеть страшно. Особенно на Ирку.

– Ни у одной девчонки нет таких проблем с внешностью, как у меня! – выхватив из рюкзака карманное зеркальце, Ирка впилась глазами в свое отражение. – То собачья голова вылазит, то вампирская бледность никак не сойдет!

– Зато тебе худеть не надо, – вздохнула Танька. – И ноги у тебя длинные – хоть в человечьем, хоть в собачьем облике.

– А какой у нее в вампирском облике маникюр был – закачаешься! – закатил глаза Богдан. – Когтищи длинненькие, кривенькие…

– Не слушай его! – торопливо перебила Богдана Танька. – Это он все еще злится, что мы ему не дали коня в поезд затащить!

– С конем нас бы проводница еще на перроне завернула, – задумчиво сказала Ирка. Поглядела на насупившегося Богдана и миролюбиво предложила: – Хочешь, ноутбук забирай. Нам с Танькой и так серьги бабушки Сирануш достались…

– Есть у него дома компьютер! – немедленно вмешалась Танька. – А у тебя нет, так что это тебе! Богдану мобилку – у него совсем старая, дешевая, а эта, между прочим, такая навороченная, что не каждый крутой себе купит! Электронная почта, выход в Интернет, Word, что угодно! Она сама как компьютер! – Танька вытащила из сумки запечатанную картонную коробочку с действительно крутым мобильником – одним из трех призов, выигранных на колдовском квесте в Каменце. Игра, которая должна была стать грандиозным развлечением в каникулы, но из-за ненавидящей всех детей психованной Бабы Яги чуть не привела к гибели.

– А тебе что останется – диск с песнями райской птички Алконост? – покачал головой Богдан.

– Зато полный эксклюзив – ни у кого такого нет! Ну еще и серьги, конечно… – Танька потеребила старинную серьгу так, чтобы украшающие ее сапфиры заискрились. – Нет, правда, ребята! Ноутбук и телефон мне родители подарили… – Танькины глаза затуманились, и на губах у нее появилась совершенно дурацкая радостная улыбка.

Ирка горестно вздохнула и снова уставилась в окно. Друзья счастливы. Конечно, если долгие три дня прожить с твердой уверенностью, что твоя семья потеряна навсегда, что ни твоих мамы, ни папы больше нет – одно упоминание о родителях вызывает восторг. Ирка знала, почему ребята норовят всучить ей самую дорогую вещь. Потому что главный приз этого квеста – возвращение к маме и папе, которые тебя любят и ждут – ей не достанется. После сражений с вампирами, гайдамаками, инквизицией, ведьмами, ягишинями-воительницами и поп-группой «Манагра» ей не к кому возвращаться. Разве что к бабке, да и то Ирка не уверена, что та вообще заметила отсутствие внучки. Вот если бы огород надо было полоть, тогда да! А так… Ирка вздохнула и тут же ощутила, что за спиной у нее царит неловкое молчание.

Танька не поднимала глаз от вытащенной из пакета наволочки, как будто это невесть какое диво, требующее тщательного изучения. Богдан, держа меч на вытянутой руке, столь же внимательно разглядывал клинок, словно отыскивая невидимые царапины. Оба старались на Ирку не смотреть. Друзья отлично все поняли. Ирке мгновенно стало стыдно. Завидовать – свинство. Портить другим радость – свинство вдвойне. Она уже открыла рот, чтобы

сказать что-нибудь такое… веселое… знать бы только, что… Как тут дверь купе отъехала в сторону… и внутрь протиснулась проводница.

Вибрирующей стальной полосой меч Богдана замер в волоске от ее носа. Проводница застыла в дверях, будто щит поднимая стаканы с чаем.

– Я вот… чаек принесла! – пролепетала она.

– А… э… спасибо… на стол поставьте, пожалуйста! – ответила Танька.

Не отрывая взгляд от меча, проводница изогнулась, чтобы не коснуться застывшего с клинком в руке Богдана, протиснулась к столику, поставила чай, еще раз огляделась, со странным удовлетворением в голосе выпалила:

– Я так и знала! – и наладилась к выходу, оставляя за собой приторный аромат сандала.

– Она увидела пассажира с мечом и сошла с ума? – изо всех сил стараясь не чихать, пробормотала Танька.

– Я тут ни при чем! – торопливо откладывая меч на нижнюю полку, отперся Богдан. – Она такая уже была! Вы сюда посмотрите!

Девчонки уставились на стаканы. Плавающие в них дольки лимона были порезаны не кружочками и даже не полукружиями. Их просто разодрали, и, кажется, зубами! Чай оказался угольно-черного цвета, а сами пакетики были безжалостно вспороты, словно тушки мелких зверьков. В стаканах плавали чаинки и обрывки бумаги.

– Чайная маньячка, – заключил Богдан. – Заманивает и потрошит наивные беззащитные пакетики!

– И холодный вдобавок, – берясь за стакан, добавила Ирка. – Вы как хотите, а я это пить не буду. Спать лягу. Устала, как собака!

– То есть как тебе и положено! – усмехнулся Богдан, тоже отодвигая свой чай подальше.

Ирка зашуршала пакетом, вытащила простыню:

– Я на верхней полке!

– И я! – немедленно подхватила Танька.

– Чего это? – возмутился Богдан. – Как забираться будешь?

– К твоему сведению, я могу просто взлететь…

– …залезть-то все равно не получится – задница слишком тяжелая! – злорадно поддел Таньку Богдан и, ставя точку в споре, подтянулся, брыкнул ногами… Мгновение его пятки еще дрыгались в проеме… и утянулись на верхнюю полку. Вслед белой змеей уползла простыня.

Ирка мученически возвела глаза к пластиковому потолку – неисправимы, оба!

– Давай я лягу на нижнюю…

– Сердечно благодарю, но не стоит! – тоном оскорбленной графини обронила Танька. – Буду мучиться на нижней, и пусть ему будет стыдно!

– Ему – пусть! – немедленно согласились сверху, и через край полки свесилась нагло скалящаяся рожа Богдана. – А кто он? – с показной наивностью округлив глаза, поинтересовался мальчишка.

Ирка покосилась осуждающе – все-таки что-то от таборного рома Богданки в нем осталось. Интересно, это пройдет или сохранится, как Иркина вампирская бледность или прорывающиеся порой у Таньки аристократические манеры?

Ирка заправила простыню под комковатый матрас и с блаженным вздохом рухнула на прикрытую влажной наволочкой подушку. Какой кайф! После трех безумных дней наконец добраться до постели, пусть она пока всего лишь в поезде… блаженство! Завтра… завтра они приедут в город, и на все оставшиеся дни каникул Ирка завалится на диван перед телевизором… и не то что колдовские силы – родная бабка ее с места не сдвинет! Полка под ней качалась туда-сюда, колеса постукивали, девочка чувствовала, как проваливается в сон. С

соседней полки уже слышалось мерное посапывание Богдана – мальчишка уснул, даже не успев натянуть на себя одеяло.

– Гашу свет! – раздалось внизу сонное бормотание Таньки, но Ирка этого уже не слышала – она спала.

Глава 3
Полеты во сне и под музыку

Богдан резко сел на полке, вытаращившись в темноту. Сердце колотилось, как бешеное, во рту было сухо, точно он не пил неделю. Вокруг темнота – лишь время от времени мрак озарялся длинным росчерком промелькнувшего мимо окон фонаря. С соседних полок слышалось мерное дыхание девчонок.

– Фу-ух! – пятерней Богдан вытер с лица горячий пот. Всего лишь сон! Таких мутных депресняков Богдан в жизни не видел – еще раз такая пакость приснится, вообще спать не захочешь![1]

Богдан снова лег, изо всех сил сопротивляясь настоятельной необходимости подняться и слезть с полки. Необходимость продолжала настаивать. Богдан перевесился через край полки и уныло поглядел вниз. Сигать в темноту не хотелось. Может, и правда, зря он уперся. Надо было Таньку наверх пустить – она бы слетела, и все дела. Или вообще колданула содержимое мочевого пузыря прямо в туалет. Богдан обеими руками почесал встрепанную шевелюру и, неуклюже спрыгнув с полки, тихонько, чтобы не разбудить девчонок, выскользнул за дверь. Из неплотно закрытых коридорных окон тянуло холодом. Обхватив себя руками за плечи, Богдан потрусил в конец вагона.

Вернувшись в купе, мальчишка присел на пустую полку напротив спящей Таньки. Рассеянно погладил торчащую из целлофанового свертка рукоять меча. Сон напрочь выдуло сквозняком. Богдан с завистью прислушался к сопению девчонок. Нет ничего противнее, чем в поезде без сна дожидаться утра. А завтра он будет опять невыспавшийся и злобный. Конечно, дома надрыхнется… Богдан помотал головой. Не хочет он дома спать. Он хочет приехать, забраться к маме под бок и сидеть не шевелясь. Вечность. Чувствуя, что она рядом, что она никуда не делась. И чтобы папа с другой стороны. Если отец уже уйдет на работу – тоже ничего. Он просто позвонит ему, проверит, что он есть – и будет ждать, весь день наслаждаясь сознанием, что вечером папа обязательно вернется. Девчонки пускай как знают, а ему больше даже никуда ездить без родителей не хочется. Там, в Каменце, роль сироты Богданки была для него реальностью, и он слишком хорошо запомнил страшную уверенность: мамы и папы нет. Совсем. Нет маминых рук и папиной улыбки, нет ничего… Он один в бесконечной пустоте…

Богдан помотал головой… Как же Ирка с этим живет-то? Нет, он не станет об этом думать! Он должен уснуть и заспать весь недавний ужас, а утром они окажутся дома, и все снова станет хорошо! Богдан оглядел темное купе, отчаянно изобретая, чем бы себя таким усыпить. А что, если… Идея ему понравилась. Ирка точно не будет против, если он ее ноутбуком воспользуется, а ворчание Таньки по поводу диска он как-нибудь переживет.

Богдан решительно потянулся к сумке с ноутбуком. Пристроил раскрытый комп на коленях. Настороженно косясь на спящих девчонок, подключил наушники, вытащил запечатанный мультимедийный диск. При слабом свете монитора можно было рассмотреть картинку на обложке. Райская птица Алконост изображалась в виде крупного снежно-белого птаха с увенчанной короной златокудрой женской головкой на птичьих плечах. Богдан на мгновение задумался: у какой это птички могут быть такие могучие размашистые крылья, а главное – внушительные крючковатые когти, плохо сочетающиеся с сахарно-благостной улыбкой человеческого лица? В птицах он не разбирался, знал только голубей, наглых город-

[1] Если вы хотите узнать, что снилось Богдану – в конце этой истории вы найдете «Книгу Кошмаров», рассказывающую о предыдущих явлениях в наш мир Костея Бездушного и его свиты. Читайте «Первый сон Богдана Игоревича» (с. 218). Хотя можете сейчас и не читать, а заняться этим потом, когда уже будете точно знать, чем все закончилось на сей раз.

ских воробьев и мороженых кур из супермаркета, поэтому решил вопросом не заморачиваться. Распечатал диск и сунул в дисковод. Вряд ли эта самая райская птица Алконост выступает в стиле техно. Если уж пение в чистом виде способно отделить душу от тела, то в смягченном, как обещал вкладыш на диске, убаюкать как-нибудь сможет.

Конечно, райский птах исполнял совсем не техно. И даже на фолк, которым увлекалась Танька, это было непохоже. Это вообще ни на что знакомое и привычное похоже не было! Это пение… Нечто совсем другое… Нечто… Обалденное! Неземное! В ушах затрепетала бесконечная, нестерпимо прекрасная нота, погружая Богдана в сияющий, дивный мир, полный невообразимого блаженства…

Последнее, что ощутил мальчишка – как его затылок с глухим стуком входит в соприкосновение с пластиковой стенкой купе. Глаза плотно закрылись, сумрак вагона сменился непроницаемой тьмой… и тут же ударил слепящий свет. В ушах по-прежнему звучали райские напевы божественно прекрасного голоса, но теперь в них вплетался знакомый глухой непрерывный гул, сквозь который едва слышно пробивались вкрадчивые потаенные шорохи. Словно множество призрачных голосов быстро бормотали слова, значения которых он никогда не мог разобрать, но теперь, казалось, вот-вот поймет, стоит только прислушаться. Медленно, как пробиваясь сквозь воду, он потянулся к лежащему рядом мечу и последним усилием сомкнул пальцы на рукояти. Песнь Алконоста взвилась до невероятной, нестерпимо высокой ноты…

Он точно очутился в середине фейерверка. Каждый звук этой одной-единственной ноты, недоступной никакому человеческом горлу, рассыпался на сотни крохотных сверкающих искр. Они разлетелись по купе переливчатым сияющим дождем, драгоценной пылью осыпали волосы спящих девчонок… Завертелись безумными спиралями и колесами, взвились фонтанами многоцветного пламени, понеслись по купе в сияющем танце живого огня…

Мальчишка понял, что самая большая ракета этого фейерверка взорвалась прямо под ним. Шар золотого, как новогодняя фольга, пламени вздулся вокруг… Им будто выстрелили из пушки! Засвистело, загудело, пластиковый потолок купе ринулся в лицо. Окутанный струями вихрящегося пламени, он пронзил насквозь железную крышу вагона и понесся навстречу окутавшим небеса тучам. Окружающий мир просвистел мимо одной сплошной смазанной полосой. Столб пламени поднимал его все выше, выше… Остановился… Замер… И вдруг сложился сам в себя. Одно мгновение – и последний сполох втянулся обратно сквозь железную крышу вагона. Вознесенный к облакам мальчишка остался одиноко парить в поднебесье…

Взлетел чуть повыше, кувыркнулся и спокойно оглядел себя. Так и есть! Ветер развевал за его плечами алый рыцарский плащ. Серебряный обруч охватывал виски, полупризрачные пальцы с привычной уверенностью сжимали простую рукоять бледно светящегося меча, а ноги в удобных стареньких кроссовках вполне уверенно опирались на пустоту.

«Забористая штука – песнь Алконоста! – подумал здухач. – Надо же, как меня проперло!»

Он поглядел вниз, на поезд, где осталось его бесчувственное тело с ноутбуком на коленях и заправленными в уши наушниками, в которых продолжал звучать голос райского птаха. Он даже сейчас – нет, не слышал – чувствовал волшебную песнь. Ночь и раньше не мешала взгляду здухача сквозь закрытые веки – для него мир никогда не был темным, он полыхал яркими, сверкающими, как в 3D-мультах, красками. Но сейчас среди множества цветов и оттенков он начал различать и те, которые никогда не видит человеческое зрение и которым нет названий.

Несущийся под ним поезд казался пестрой змеей, разрезающей гибким телом плещущиеся вокруг озера света. Крыши вагонов представляли собой ошеломляющее зрелище –

прямо сквозь них проступали огоньки: очень яркие и еле заметные, игривые, радостных тонов, и едва мерцающие, или даже такие, что казались неприятно грязными. Они то светились «гнездами» по четыре, то полыхали сплошной россыпью.

«Это же люди! Спящие люди!» – понял здухач. По четыре в купе и сплошняком в плацкартах! На мгновение он растерялся, не в силах сообразить, где в этом изобилии огней остался он сам. Воин сновидений двинулся над составом, стараясь соразмерять стремительный полет с неторопливым движением поезда. Завис. Буквально прожигая крышу вагона, под ним полыхали нестерпимым блеском два огня – изумрудно-сапфировый и изумрудно-рубиновый. А между ними что-то темное, глубокое, мерно, как дыхание спящего человека, испускало серебристое сияние. И эти лучи тянулись прямо к нему, наполняя его силой и жизнью.

Воин сновидений облегченно колыхнулся, купаясь в потоках ветра – вот он где! Первое правило здухача: отправляясь в полет, всегда точно знать, где ты находишься, и по возможности держаться к самому себе поближе. Себя терять нельзя – можно потом и не найти!

Успокоившись насчет собственного местоположения, он еще раз оглядел сверкающий и переливающийся поезд. А ничего себе Танька полыхает! Слабее, чем Ирка, но все равно, круче, чем целый вагон! Интересно, как светится он сам, когда просто спит, а не шмыгает над крышами в облике здухача…

Возвращаться он не торопился. Он никогда раньше не оставлял свое тело просто так, а только для драки – выскочил, вломил кому надо и обратно. Когда еще удастся побыть здухачем спокойно, без мордобоя? К тому же райская песнь Алконоста, похоже, не просто вышибла его вон из тела – в свои прошлые выходы он не видел и половины того, что открывалось сейчас.

Лес под ним был наполнен движением, деревья кружили и вроде бы даже менялись местами. Меж ветвями и среди корней шмыгали существа, о которых наверняка не знал учитель биологии. По земле стелились черные деревья-тени, от них веяло ощутимой угрозой. Здухач дал себе слово проверить, не водится ли такая же дрянь в городских парках. И вообще посмотреть, как станут действовать в городе эти новые, дарованные песней Алконоста возможности. Саму песнь райской птицы он перепишет на телефон – чтоб всегда была под рукой.

Пора, наверное, и возвращаться, неизвестно, сколько еще он может без последствий находиться отдельно от тела. Он как-то спрашивал у Таньки, но та отмолчалась, а переспросить он забыл…

Собираясь нырнуть в себя сквозь крышу вагона, Богдан напоследок огляделся по сторонам… И тут же завис в воздухе, затормозив свой полет над поездом. Далеко в стороне сквозь плывущие над головой тяжелые осенние тучи мелькнул багровый отсвет. Сплошной тучевой покров лопнул, будто вспоротый изнутри, и сквозь разрыв вырвался луч грязно-багрового света. Новое зрение позволяло здухачу видеть все с завораживающей отчетливостью. Ветви деревьев занялись мгновенно, словно облитые из огнемета, почерневшие стволы лопались от жара. Внутри четко очерченного овального пятна насквозь мокрый после частых осенних дождей бор полыхал, как пропитанный бензином.

Воин сновидений завис в воздухе, совершенно не представляя, что же ему делать! Он умел сражаться с нечистью, но понятия не имел, как быть с лесным пожаром. Вернуться в тело и разбудить ведьм…

Глава 4
Лесной пожар и многоглазый гость

Тучи разорвались снова – теперь уже в десятке мест одновременно. На теле леса вспыхнули огненные раны… Здухач понял, что слышит беззвучные вопли. Лес бился и шумел, скрипели, будто кричали, стволы, качались кроны охваченных паникой деревьев.

Горячий от вспыхнувшего пожара воздух мелко дрожал. Над лесом вкрадчиво, точно наслаждаясь ужасом жертвы, шевельнулся ветерок, заставляя пламя вздуться сильнее. Ветер подхватил пляшущие на погибающих стволах лепестки огня и погнал их, куда пламя еще не доставало. Наверху вновь блеснул багровый луч…

«Это кто ж там такой пожароопасный?!» – подумал здухач. Пожары он потушить не может, но вот уделать того, кто их вызывал – это как раз его работа. Причем срочно, пока весь лес не занялся. Не оглядываясь на увозящий его тело поезд, он крутанулся и штопором ввинтился в облака.

Влажный серый туман клубился вокруг него. Когда-то в Крыму, задолго до того как Богдан стал здухачем, легендарным воином сновидений, они с родителями поднялись на Ай-Петри – в самый центр зацепившейся за вершину горы грозовой тучи. Тогда клубы тумана так же прорезали конусы света – подсвечивая дорогу фарами и тихонько урча мотором, катил по плоской вершине груженный сеном грузовичок. Только тот свет был теплым, золотисто-желтым, а шарящие сейчас сквозь тучи лучи оказались цвета темного огня. И было их не два, и даже не десяток, как показалось вначале, а ровно двенадцать. И урчание слышалось гораздо сильней. И вообще, все это походило на преследование арабского террориста-маньяка вертолетами доблестной American police. Ни единого шанса на спасение. Стоит только попасть в луч – пулеметная очередь прошьет насквозь, превратив в груду дымящегося мяса.

Картинка получилась настолько живой и выразительной, что здухач реально почувствовал себя на месте вышеупомянутого террориста. Именно в этот момент один из лучей дрогнул и пополз к нему, будто в его сторону развернули прожектор. Здухач заметался в воздухе, не давая багровому свету коснуться себя. Ушел глубже в тучу и под прикрытием серых клубов тумана полетел вдоль шарящего конуса в поисках его источника.

Кто бы там ни светил, он, похоже, почувствовал, что его ищут, и насторожился. К первому лучу присоединился второй, потом третий, четвертый… Уже двенадцать светящихся багровых полос метались, скрещивались, пронзали тучи насквозь. Теперь здухачу казалось, что его занесло на сцену во время рок-концерта, и он лавировал, стараясь не попасть в перекрестье огней.

Отслеживая направление световых конусов, воин сновидений поднялся выше… Рык становился все сильнее, гуще и раскатистей. Клубящийся вокруг туман начал редеть… здухач поднялся над тучей.

И первое, что он увидел перед собой, был… хвост. Торчащий из мокрой серой ваты облака огромный чешуйчатый хвост с нанизанным на самый кончик шаром.

Будто заметив неожиданного пришельца, хвост дрогнул… изогнулся… Поперек шара возникла тонкая багровая полоска. И оказалось, что и шар – вовсе не шар, да и хвост – не совсем хвост. С раскачивающегося гибкого чешуйчатого стебля на здухача уставился неподвижный, как у насекомого, стеклянисто-багровый глаз. Рык в недрах тучи усилился. Будто примчавшись на зов товарища по чешуйчатому стеблю… выкатились еще два глаза. И в три зрачка пристально уставились на здухача. Звук взвился с невероятной силой, заставляя вибрировать не только тучу, но и воздух вокруг. Поверхность тучи вскипела – и обладатель

глаз поднялся из ее глубин, представая во всем своем великолепии (хотя великолепие – это, конечно, кому как: Здухачу, например, сразу не понравилось). Двенадцать пышущих огнем, здоровенных, будто прожекторы, глаз вперились в воина сновидений.

Их отнюдь не маленькие светящиеся шары держались на гибких чешуйчатых щупальцах. Этих щупалец-хвостов было неисчислимое множество. Глаза свободно перемещались по ним, то скатываясь, как по трамплинам, то с разбегу взлетая на самые кончики, то попросту перепрыгивая с одного на другое. Между щупальцами клубилось нечто туманное, непроницаемо темное, точно глазастые чешуйчатые конечности вырастали прямо из концентрированной грозовой тучи.

На здухача глядело чудище из его недавнего кошмара!

Глава 5
Песнь Алконоста опасна для вашего здоровья!

Метались языки пламени… Кто-то истошно кричал, заламывая охваченные огнем почерневшие руки, похожие на ветви… Свистел в ушах ветер, и что-то караулило в клубящемся вокруг липком тумане.

Резко распахнув глаза, Танька уставилась в нависающую над ней вагонную полку. Сон был мутным и не запомнился, но оставил ощущение беды и тоскливой безнадежности.

Все нормально, все благополучно, дверь в купе закрыта, друзья дрыхнут на верхних полках, а больше никого тут нет… – аккуратно-аккуратно скашивая глаза вбок, убеждала себя Танька.

На соседней нижней полке сидел Богдан. Интересно, а почему это он не на отвоеванной верхней?

В последнюю секунду каким-то чудом избежав столкновения собственного лба со столиком, Танька резко села и уставилась на Богдана горящими зеленым ведьмовским огнем глазами.

– Ты что тут за ночную дискотеку устроил? – негромко, чтоб не разбудить Ирку, процедила она, разглядев валяющуюся на столе коробку от диска, ноутбук у Богдана на коленях, наушники в ушах. – Между прочим, это мой диск, может, я первой хотела его послушать?

Богдан не отвечал. Он сидел все так же неподвижно, опираясь затылком о пластиковую стену. Глаза плотно закрыты, как у спящего, и даже дрожание век не выдавало, что он слышал хотя бы одно Танькино слово.

– Надо же так уши законопатить, чтоб вообще не слышать ничего! – озлилась Танька, вскочила с полки и схватила Богдана за руку… мгновенно ощутив, как мертвенно-холодна его ладонь!

Мальчишка наклонился, как деревянный манекен… и завалился набок. Открытый ноутбук медленно соскользнул с его колен и полетел на пол. Немыслимым образом изогнувшись, Танька едва успела подхватить компьютер в нескольких миллиметрах от пола. Больно стукнулась коленкой. Ошалело поглядела на невозмутимо светящийся экран и подрагивающую шкалу эквалайзера включенного проигрывателя.

– Не была бы ведьмой – ни за что бы не поймала, – Танька бережно водрузила компьютер на столик и склонилась над неподвижным мальчишкой. Лежащий на вагонной полке Богдан не шевелился. Один наушник вывалился, второй так и остался в ухе. Танька наклонилась к самому лицу мальчишки, вслушиваясь в дыхание. Прядь ее волос едва заметно шевельнулась. Все-таки дышит, но слабо, еле заметно. Присмотревшись, она разглядела то, на что не обратила внимания раньше – от Богдана исходило легкое, пульсирующее серебристо-лунное мерцание. А правая рука намертво сжимала рукоять меча. Знакомые признаки…

На всякий случай Танька охватила пальцами его запястье и приготовилась ждать. Лишь через несколько минут под ее пальцами слабо толкнулся пульс. Но для Таньки этого было достаточно.

– Ну и куда же тебя понесло? – пробормотала она, отпуская его запястье и невольно поглядывая на темное окно с бегущими мимо черными рядами деревьев. Будто ожидала увидеть за стеклом парящего здухача.

Мгновение поколебавшись, она потрясла за плечо безмятежно дрыхнущую Ирку:

– Ирка, проснись немедленно! Богдан не в себе!

– Я вас обоих всегда считала ненормальными! – недовольно проворчала Ирка и с трудом разлепила один глаз.

– Ты что, не понимаешь! – взвилась Танька. – Богдан из себя вышел!

– Ты его все-таки доконала? – сквозь смачный зевок поинтересовалась Ирка.

– Прекрати прикалываться! – зашипела на нее Танька и щелкнула выключателем. Ночник вспыхнул, заливая купе болезненно-желтым светом.

Ирка протерла глаза и наконец свесилась со своей верхней полки. Хвост ее черных волос мазнул по раскрытому ноутбуку. Некоторое время она внимательно разглядывала распростертого внизу мальчишку.

– Вот мерзавцы, а обещали, что только вживую песнь Алконоста разделяет душу и тело и при их методе записи ничего не будет! – продолжая висеть вниз головой, возмущенно выпалила она.

До Таньки дошло. Конечно, все дело в диске! Мысль пошла дальше.

– Но ведь он же здухач! – авторитетно пояснила она Ирке, делая вид, что и без нее прекрасно догадалась, почему вторая половина Богдана вдруг отправилась в незапланированное странствие. – У него душа и тело слабее связаны! Ему хватило!

– Ну так чего ты ждешь? – снова зевая, спросила Ирка и втянулась обратно на свою полку. – Вытащи у него наушник, и все дела! – слышно было, как она возится наверху, умащиваясь. – Только не ори на него, когда он вернется… В смысле, громко не ори, – после недолгой паузы добавила она. – Я еще поспать хочу.

Танька поглядела на бесчувственного Богдана. Действительно, чего она переполошилась – тоже, проблема! Она осторожно потянула за беленький проводок – наушник легко выпал из уха.

Звонко и радостно, как переливы лесного ручья, струился голос. Такой прекрасный, что все человеческие певцы до единого – от американских рэперов до итальянских теноров – должны были от зависти повеситься на радиовышках. Воображение немедленно нарисовало ей очередь эстрадных знаменитостей вокруг Останкинской башни – Пугачева дерется с Кобзоном за право повеситься на шпиле, а остальные развешиваются кто где может…

– Ты чего там затихла? – послышался сверху резкий голос Ирки, в сравнении с сочащимся из наушника напевом показавшийся скрипучим, как воронье карканье. – Тоже отлетаешь?

Опомнившаяся Танька торопливо отключила наушники и провела пальцем по сенсорной панели ноутбука, останавливая проигрыватель.

Поглядела на Богдана…

– Ирка-а… – снова испуганно позвала она. – Он не возвращается! Может, это потому, что упал? Тело сменило положение, и здухач теперь его найти не может? Может, если его снова усадить…

Иркина голова опять свесилась через край полки. Потом девочка соскочила вниз. Встревоженно уставилась на неподвижного мальчишку.

– После того как здухач вышел из спящего тела, его ни в коем случае нельзя двигать, верно? Тело, я имею в виду, – задумчиво начала она. – Иначе здухач его не видит и теряет возможность вернуться, так?

– Ну, считается, что так, – подтвердила Танька. – Я ж говорю – давай его усадим! Он же сидя разделился, а потом сполз, чуть компьютер не разгрохал, – о том, что она сама Богдана опрокинула, Танька благоразумно умолчала. – Музон ему посреди ночи припекло послушать!

– Музон – это хорошо, – рассеянно кивнула Ирка, по-прежнему не отрывая глаз от бледного и неподвижного Богдана. – Ты в этом лучше разбираешься, посмотри по компьютеру, сколько времени он Алконоста слушал.

Танька тревожно покосилась на подругу и наклонилась к экрану, водя пальцем по сенсорной панели. Проигрыватель включился снова.

– Получается, всего двадцать минут, – с явным облегчением в голосе выдохнула Танька, выпрямляясь. Совсем недолго. Что плохого могло случиться за каких-то двадцать минут?

Зато у Ирки физиономия стала совсем похоронной.

– Осталось узнать скорость поезда, – пробормотала ведьмочка.

– Зачем? – снова перепугалась Танька.

– Затем, что поезд – движется, – наконец отрывая взгляд от Богдана, произнесла Ирка совершенно ледяным тоном. – Задачки о поездах давно решала? Зная время и скорость, глядишь, вычислим, на сколько километров позади нас здухач сейчас разыскивает свое давно уехавшее тело!

Глава 6
Здухач vs.[2] Двенадцать огненных глаз I

Двенадцать круглых глаз перестали вертеться в разные стороны и сошлись на здухаче. Воин сновидений метнулся в сторону. Очень вовремя – край плаща, прихваченный багровыми лучами, вспыхнул мгновенно, будто его окунули в огонь. Там, где только что парил здухач, рыхлое тело тучи зашипело, и в нем появилась круглая, точно высушенная нестерпимым жаром дыра.

– Да-а, такому лучше на глаза не попадаться! – воин сновидений снова вильнул вбок, уворачиваясь от следующего огненного залпа. В утробном вое, сочащемся из недр туманной туши, послышались связные слова.

– Изж-жар-рю! Ис-суш-шу! – рычала-шипела тварь.

Устремленные на здухача глаза расфокусировались, глядя в разные стороны, как у безнадежно пьяного (на двенадцати буркалах это выглядело особенно впечатляюще). Здухач едва успел подобраться, понимая, что это неспроста…

Огненные разряды летели в него отовсюду: слева, справа, сверху и снизу, по дуге, в грудь по прямой, по ногам и по коленям… Воин сновидений взмыл повыше, пропуская два огненных сгустка под собой, и едва успел пригнуть голову, уворачиваясь от бьющей ему в лоб струи багрового пламени. Прогнулся, как гимнаст, уклоняясь от нацеленного в бок пылающего шара, вывернулся в другую сторону, спасаясь от следующего. Завертев в воздухе стремительное сальто, благополучно разминулся еще с несколькими… и тут же в лицо ему дохнуло нестерпимым жаром, слепящая вспышка ринулась прямо на него. Понимая, что это все, конец, отпрянуть он не успевает, он вскинул меч навстречу пламени.

Огненная стрела ударила в клинок и рассыпалась веером алых искр, безобидно погасших среди туч. Тварь разочарованно взревела, и на здухача снова рухнул огненный залп. Меч воина сновидений завертелся в стремительной «мельнице», очерчивая непроницаемый стальной круг. Удары багрового пламени расплескивались об эту преграду, завиваясь искристыми крученными лентами. Здухач словно стоял внутри серебристо-багрового фейерверка. Перевернулся в воздухе… вытянувшись и продолжая вращать меч, ринулся навстречу твари. Легко взмывая и опускаясь в воздушных потоках, он несся сквозь рубящие пространство огненные залпы. Пылающие багровые шары на кончиках щупалец надвигались все ближе…

Тварь снова сфокусировалась, и навстречу здухачу шарахнул настоящий шквал огня. Мгновенным движением здухач повернул меч плашмя… и лихим ударом бейсболиста швырнул багровый сгусток обратно. Собственное пламя угодило прямо в центр слепленного из тучи тела твари. От взрыва россыпь глаз взлетела в воздух. Щупальца заметались, с невероятной скоростью подхватывая глаза на лету… Меч здухача немедленно ударил снова. Враг отшатнулся, спасаясь от сверкающего призрачного лезвия… Последний непойманный глаз пролетел у самого кончика щупальца… и канул вниз. Тварь пронзительно завизжала… и провалилась сквозь тучу.

Недолго думая, здухач нырнул следом. Шустро перебирая щупальцами по облакам, монстр спешил за своим глазом. Тот на лету укоризненно пялился на потерявшего его хозяина круглым, налитым огнем зрачком. Тварь помчалась быстрее, поравнялась в воздухе с глазом-беглецом и, подхватив его на щупальце, притормозила, оправляясь от полученной психологической травмы… Сейчас бы врезать ей по шее… Здухач наддал…

[2] Vs. – от латинского «versus», что означает «против».

Он уже настигал чудище, когда что-то с силой рвануло его назад. Теперь он отлично знал, что чувствует пес, когда хозяин, до того свободно разматывающий катушку с длинным поводком, вдруг нажимает на фиксатор. Здухача перевернуло в воздухе. Он судорожно попытался выровняться и продолжить погоню. Но песнь Алконоста, едва слышно струящаяся издалека, вдруг ослабла. Теперь она доносилась только с одной стороны. Проклятье! Не иначе как там, внизу, в поезде, у него из уха выпал наушник!

Все вокруг изменилось. Облачный мир, только что просматривавшийся детально и насквозь, потерял четкость очертаний. Видный до последней чешуйки монстр превратился в размытый силуэт. Лишь огни его глаз светились все так же ярко… Ярко… еще ярче… Они неслись навстречу здухачу, как поезд в тоннеле!

Инстинктивно здухач отпрянул в сторону. Туша монстра просвистела рядом, обдав жаром и гарью. Воин сновидений хлестнул мечом наотмашь, норовя достать проносящегося мимо противника. С неожиданным проворством тот вильнул в сторону. Острие меча гневно задрожало, скользнув мимо чешуйчатого щупальца. С клинка сорвалась острая и тонкая, как игла, серебристая искра и ужалила тварь точно в «тучное» тело. Раздался бешеный рев… и на здухача обрушилась стена пылающего жара. Вокруг сомкнулась сплошная сфера гнилостного огня. Здухач со всей силы всадил меч в пульсирующую плазму. Полыхнул серебристый свет, и сфера рассыпалась. Воин сновидений провалился сквозь облака и вихрем понесся к земле.

Багровые обрывки огня автоматной очередью замолотили вслед – промахиваясь, долетая до земли и… охватывая пламенем деревья. Лес полыхал повсюду…

– Ты куда глазенками искришь! – выкрикнул здухач и, кувыркнувшись над острыми вершинами елей, ринулся вверх, навстречу противнику.

Успел изумиться – никогда еще он не летал с такой скоростью. Потом удивляться стало некогда – метеором прочертив небо, воин сновидений оказался возле самого чудища и взмахнул мечом…

В этот кратчайший миг между замахом и ударом мир здухача снова изменился. Песнь исчезла. Далекий звук, что позволял ему видеть, слышать и ощущать ранее невидимое, придавал такую невероятную скорость его полету и силу его мечу… Песнь Алконоста замолчала совсем – наверняка из уха его брошенного без присмотра тела исчез и второй наушник. Воздух вокруг пылал, как в печке, но здухач больше не видел никаких чудищ, никаких огненных глаз. Беспомощно озирающийся, он нырнул в тучу – слишком медленно в сравнении с недавним безумным полетом! – завертелся, как потерявший след охотничий пес. Ну не могла же эта тварь паршивая просто исчезнуть!

Неподалеку послышалось сухое, будто кашляющее, хихиканье. Там, далеко внизу, в поезде, оставшееся в груди его тела сердце, наверное, заледенело от ужаса – сквозь облачный туман с издевательской неторопливостью, отлично ощущая неожиданную беспомощность только что такого грозного противника, опять начал проступать багровый гнилостный свет, окружая со всех сторон. Чудище действительно никуда не исчезло. Оно отлично видело здухача своими огненными глазищами, между тем как оставшийся без песни Алконоста воин сновидений ничего не видел, не слышал и не ощущал. Он лишь стиснул пальцы на рукояти меча. Он не имел права отступить, позволив превратить леса в сплошной костер! В бою с невидимым врагом ему оставалось только погибнуть.

Глава 7
Верхом на унитазном ершике

Танька наклонилась к распростертому на вагонной полке мальчишке. На лоб Богдану вдруг капнула тяжеленная слезища.

– Танька, ты что? – заворчала Ирка. – Мы его пока не хороним!

– Здухач, потерявший тело, не возвращается никогда, – отстраненным голосом сказала Танька, и из ее глаз обгоняющими друг друга ручейками потекли слезы.

– Я, конечно, знаю, ты считаешь Богдана идиотом… – взвилась Ирка.

– Я не считаю его идиотом, – провыла Танька, окончательно заливаясь слезами. – Он просто немножко тупо-ой! – искривленный плачем рот пополз в сторону.

– Вот видишь, сама говоришь – немножко, – мгновенно переключившись на утешающий тон и поглаживая Таньку по вздрагивающим плечам, забормотала Ирка. – А надо быть очень сильно тупым, чтобы не сообразить полететь за поездом!

– Почему он тогда не возвращается? – с надеждой глядя на Ирку сквозь застилающие глаза слезы, шмыгнула носом Танька.

Ирка поглядела на распростертое на полке тело. Она знала, что ответ Таньке не понравится.

– Ввязался во что-нибудь, – наконец со вздохом сказала Ирка.

– Ему каменецкого квеста мало? – возмутилась Танька. Слезы на ее глазах тут же высохли. – Еще приключений захотелось?

– Могли и не спросить, хочется ему или нет, – рассудительно заметила Ирка.

– Ну и как теперь его искать? – тоже уставившись на неподвижного Богдана, растерянно спросила Танька.

Ирка согнула пальцы наподобие когтей и быстро-быстро поскребла за ухом.

– По методу шаманов? – задумчиво предложила она. – Будем во всякую живность вселяться и ее глазами смотреть. Погоняем птичек на поиски здухача?

– Для этого надо птичке в глаза посмотреть. Или хотя бы ее точному изображению, – мрачно возразила Танька. – К тому же мы не знаем – видят птички здухачей или нет. – Вдруг лицо ее просветлело. – А зачем нам, собственно, птичка? Я вселюсь в самого Богдана! И его глазами посмотрю, что там вокруг него!

– Этот фокус можно только с низшим разумом проделать, – нахмурилась Ирка.

– Как раз наш случай, – ехидно ухмыльнулась Танька.

– А где ты фотографию Богдана возьмешь, чтоб в глаза посмотреть? – все еще возражала Ирка. – Или этому веки спичками подопрешь? – скептически поинтересовалась она, кивая на спящее тело.

Танька смутилась. Аж уши стали пунцово-красными. Судорожно вздохнула, прикусила губу…

– Не буду я ничего подпирать, неизвестно, во что это здухачу обойдется, – пробормотала она и вытащила свой телефон. Пощелкала кнопками, через блутус подключая его к ноутбуку. На экране возникла цветная, выразительная фотка улыбающегося Богдана.

– Так-так! – ехидно протянула Ирка. – Интересно, зачем это некоторые продвинутые ведьмы таскают в телефоне фотографии носителей «низшего разума»?

– Случайно! – отрезала Танька. – Я вон то, что позади него, фотографировала! А этот случайно влез, ясно?

– Совершенно, – согласилась Ирка, разглядывая фотографию. Видно было не очень четко, но, кажется, позади Богдана красовался мусорник. Видать, у Таньки теперь хобби такое – мусорники на мобильник снимать.

Танька еще раз внушительно поглядела на Ирку – та тут же скорчила невинную рожу. Убедившись, что подруга, по крайней мере, не собирается выдавать комментарии вслух, ведьмочка перевела на фотографию взгляд такой грозно-многообещающий, что Ирка не удивилась, если бы фотка с криками ужаса смоталась прочь с монитора. Но Богдан с фотографии лишь продолжал глядеть на девчонок смеющимися озорными глазами.

Танька придвинулась к экрану, пристально уставившись в глаза фотографии… Протянула руку, не глядя нашарила ладонь спящего и крепко стиснула ее в пальцах.

Экран полыхнул так, что Ирка сперва решила – ноутбук таки не выдержал Танькиного взгляда и взорвался. Фотография Богдана исчезла. На экране взвилось бешеное, казалось, пышущее сквозь монитор багровое пламя. Поперек пламени, рассыпая серебряные искры, блеснул росчерк знакомого меча… А потом на весь экран появилось жуткое переплетение щупалец, в которых сновали с десяток огненных глаз.

– Ховало! – с воплем отшатываясь от монитора, закричала Танька.

– Кого хавало? Здухача? Вот эта тварь? – чувствуя, как у нее от страха за Богдана слабеют ноги, вскрикнула Ирка.

– Да не ха́вало, а хова́ло! – рявкнула на нее Танька. – Дух хова́ло с двенадцатью огненными глазами! Ховается, то есть прячется, в тучах и оттуда леса жжет и засуху напускает! Он уже лет сто не появлялся! Богдан же не знает, как его правильно уделывать! Ко мне! – вскинув руку, вскричала Танька с такой силой, что содрогнулся весь вагон.

Прошив толстый пластик закрытой двери, как иголка – лист бумаги, в купе влетел… поездной ершик для чистки унитаза. На длиннющей такой, выкрашенной масляной краской ручке. И ляпнулся прямо в подставленную Танькой ладонь. В самой двери осталось словно выплавленное круглое сквозное отверстие.

Танька с брезгливым недоумением оглядела доставшееся ей средство передвижения, пробормотала:

– Где ж они швабру прячут? – и без колебаний вскочила на длинную ручку. В руках ее со скоростью и ловкостью фокусника промелькнули баночка полетной мази, перочинный ножик… Капля крови упала на оконный замок. Танька мазнула кровью по много лет не двигавшейся раме. Будто его ломом подцепили, окно купе одним махом упало вниз. В вихре развевающихся светлых волос ведьмочка верхом на ершике просвистела между полощущимися на ветру занавесками.

– Куда, меня подожди! – прокричала Ирка, стараясь перекрыть шум ворвавшегося в купе ветра и грохот колес.

– Некогда! – донеслось из поднебесья. – Я его чувствую! Он совсем близко! – На бреющем полете пронесясь над крышей вагона, Танька погнала ершик к хвосту поезда.

Вывешиваясь из окна, Ирка проводила ее глазами… Свист рассекаемого воздуха послышался снова. Ирка задрала голову к обложенным тучами небесам – неужели здухач был так близко, что Танька уже возвращается?

Из разрыва туч – девчонке показалось, что точно ей в лицо – валился столб багрового света. Она отпрянула в купе… Столб воткнулся в тянущиеся вдоль железнодорожной колеи деревья – и те вспыхнули, как спички! Будто наперегонки с поездом, огненный шар покатился вдоль всего лесного строя… Мгновение, и лес вдоль колеи занялся весь! Свист послышался опять… Вагон содрогнулся, и по его борту стекла волна багрового огня. Поезд мчался между двумя сплошными стенами пламени.

– Кажется, теперь и я знаю, где искать здухача, – пробормотала Ирка, опускаясь на четвереньки.

Слой гладкой шкуры обтянул ее, как тугой комбинезон. С трудом помещаясь между нижними полками, вместо черноволосой девочки в купе стояла огромная, угольно-черная хортая борзая. Сильные ноги оттолкнулись от пола. В длинном прыжке перемахнув столик, она выпрыгнула в раскрытое окно. В морду ей дохнуло пламенем пожара, казалось, прыжок занесет ее прямо в бушующий огонь. Но за спиной уже распахнулись широкие крылья. Сильно ударяя ими воздух, Хортица пошла вертикально вверх вдоль стены пламени и растворилась в темных небесах.

Глава 8
Здухач vs. Двенадцать огненных глаз II

Огненные шары метались вокруг здухача. Пламя задевало макушку, жадно облизывало пятки… Тварь не оставила противнику пути к отступлению – ни вверх, ни вниз, ни в сторону. Огонь напирал отовсюду, стягиваясь в тугой кокон, в центре которого бился воин сновидений. Он чувствовал, как от иссушающего жара тает, словно пар над чайником, постепенно растворяясь в туче. Последним отчаянным усилием вкруговую отмахнулся мечом… С клинка роем серебристых ос сорвались искры. И вонзились прямо в окольцевавшие его стены пламени. Испуганный жалящими прикосновениями, огонь отпрянул. А здухач вдруг ощутил, как на лоб ему упала капля – прозрачная, несущая прохладу, защищающая от яростного жара. Ему почудился Танькин голос, протянувший:

– …тупо-ой! – но вместо обычного ехидства в нем слышался плач.

Огонь напирал. Здухач завертелся на месте, вращая мечом. Завеса из серебристых искр прикрыла его, разгоняя подступающее пламя. Послышался разочарованный вой твари… и огонь накинулся с удвоенной силой. Продолжая острием плести вокруг себя защитный полог серебра, здухач отлично понимал, что рано или поздно невидимый для него противник отыщет лазейку. Если уже не отыскал! Разумнее всего отступить, но враг окружал со всех сторон. Что делать, воин сновидений понятия не имел! Рядом послышалось ехидное предвкушающее хихиканье.

И тут вдруг здухач ощутил себя… очень умным. У него появилось чувство, будто к его разуму подключился еще чей-то, сделав его даже не вдвое – вчетверо сообразительнее. Воин покосился на свой меч. Клинок ведь тоже не слышит песнь Алконоста, а новые свойства никуда не делись, вон как искрами сыплет, раньше за ним такого не водилось… Получается, все время слышать не обязательно? Словно устав ждать этой догадки, его новое, подаренное напевом райского птаха зрение вернулось, как если бы в мозгу переключатель нажали!

У самого его лица, выделяясь даже на фоне сполохов багрового огня, будто уродливые прыщи, пучились двенадцать огненных буркал! При виде этого зрелища из подключившегося чужого сознания хлынула дикая, совсем не свойственная здухачу паника. Вместо того чтоб дополнительно подсветить глазки хорошим ударом меча, он раскрыл рот и совершенно по-девчоночьи провизжал незнакомое слово:

– Ховало!

Эффект оказался неожиданным. Щупальца испуганно дернулись, а глаза растерянно забегали. Вверх-вниз. Словно смутившись, тварь отпрянула.

– И-эх! – здухач с разворота полоснул мечом. Чужое сознание исчезло так же стремительно, как и появилось, и к воину сновидений вернулось привычное хладнокровие. Клинок скользнул точно между щупальцами врага… и прошел сквозь «тучное» тело, не встретив сопротивления. Клубящаяся туманная мгла раздалась, на короткое мгновение сделав из одной твари – две. И тут же сомкнулась. Здухач заметил несущийся ему в открытую грудь огненный луч… Швырнул себя в сторону, воспарив параллельно удару, и обрушился на тварь сверху.

Ему даже показалось, что он попал. Призрачно-серебристое острие клюнуло тварь в темечко, та утробно вякнула и погрузилась в тучу. Нырнула ниже и, как паук перебирая щупальцами, шустро засеменила прочь. Будто удирая. Издав победный вопль, здухач понесся вдогонку.

Враг был уже совсем близко, словно задние фары автомобиля, светилась выставленная на стражу пара «задних» глаз. Завидев настигающего воина сновидений, они налились пла-

менем. Клинок принял сдвоенный огненный залп. Без особых затей здухач засадил носком кроссовки прямо по клубку щупалец. Тварь подкинуло, и она кубарем покатилась по облаку. Из «передних» глаз сорвался клуб пламени и по кривой ушел к земле, выжигая деревья у железнодорожной колеи.

И только тогда, разглядев внизу несущийся сквозь лесной пожар поезд, здухач понял – тварь вовсе не удирает от него, она ищет! Ищет едущее в поезде беспомощное тело, без которого оказавшийся слишком опасным противник просто исчезнет!

Свесившись через край облака, тварь поливала поезд беспорядочными залпами.

Перевернув меч острием вниз, здухач ринулся на тварь сверху, засаживая клинок в тушу. Воин и его меч прошли сквозь облако и сквозь тварь – тоже как сквозь облако. Тварь переключила на здухача половину глазок – воин сновидений уклонился от залпа. Остальные шесть глаз продолжали пялиться на беззащитный поезд…

Зашипев от ярости, здухач очертя голову кинулся в бой…

– Стой, идиот! – зазвенел прямо в ушах гневный Танькин голос. Не иначе как опять к его мозгам подключилась. Понравилось прямо у него в голове ругаться!

– Ховало – туча с глазами, его нельзя зарубить! – продолжала кричать Танька. – Его можно только заморо…

Тварь злобно завизжала, снова плюнув сгустком огня. Здухач прикрылся клинком. Сзади послышался жалобный девчоночий крик.

Воин невольно обернулся… чтобы увидать сквозь закрытые веки, как огонь охватывает Таньку, парящую у него за спиной на… ершике для унитаза. Ведьмочку смело, будто муху. Отчаянно вереща и цепляясь за бесполезный ершик, она камнем полетела к земле. Из груди здухача тоже вырвался крик – так кричат в кошмарном сне! Вкладывая в полет всю обретенную им скорость, воин сновидений кинулся на помощь. Перед ним с шипением взорвался огненный сгусток, отшвыривая его назад, прямо под глазеющее на него щупальце. Здухач перекатом ушел от рухнувшей сверху волны пламени, извернулся, намереваясь броситься за Танькой, уже понимая, что не успевает…

Яростно рубя крыльями воздух, из разрыва туч вырвалась громадная угольно-черная борзая. Лихо клацнули могучие челюсти… и подхваченная за шиворот светловолосая ведьма повисла в пасти, как пойманная мышь.

Легкий сонный смешок вырвался у здухача, и он выдохнул в вибрирующий от схватки воздух:

– Пожар! Погасите пожар!

Сжимая в руке меч, взмыл повыше, к твари. Легко сказать – заморозить! Где вы видели здухача (если вы вообще когда-нибудь его видели!), парящего с холодильником под мышкой на высоте… А нужен ли на высоте холодильник?

Здухач стряхнул с плеч свой обожженный алый плащ. С клинком в одной руке и плащом – в другой понесся к противнику, закружил вокруг него с невероятной, недоступной даже двенадцати глазам скоростью. Острие меча танцевало перед всеми буркалами сразу, гипнотизируя завораживающими отблесками серебра. Рой искр сорвался с лезвия, игольными уколами вонзаясь в «тучное» тело. Ворчащая тварь отступала, судорожно отмахиваясь от искр и беспорядочно вращая глазами в напрасных попытках уследить за стремительным мельканием клинка.

– Что, глазки разбегаются? – пробормотал здухач. Короткий росчерк стали располосовал небеса… Взметнулся алый плащ…

Глава 9
Ведьмы – лучшие пожарные

Энергично работая крыльями, Хортица волокла свисающую из ее пасти Таньку к земле. Ловя воздушные потоки, заложила в воздухе широкую петлю.

– Не размахивай мной, меня сейчас стошнит! – заверещала Танька. Засучила ногами, чувствуя, как пяткам становится горячо. Коротко глянула вниз – и снова заверещала, норовя вспрыгнуть борзой на голову, подальше от разверзающегося у нее под ногами огненного ада. Насколько хватало глаз, вокруг железнодорожного полотна пылали леса. Бушующий пожар растекался все дальше и дальше. Несущийся меж стенами огня поезд безуспешно пытался обогнать пламя, но оно бежало все быстрее, словно хищный багровый зверь, пожирающий на своем пути одно дерево за другим. Раскаленная крыша поезда сверху казалась красной.

Таньку встряхнуло, и она невольно задрала голову. Прямо над ней плыли тучи.

– Поняла, поняла! – завопила она, когда Хортица примерилась тряхнуть ее снова. – А как же Богдан там без нас…

Рык Хортицы сквозь стиснутые зубы заставил содрогнуться не только Таньку, но и небо, и землю.

– Хорошо-хорошо! А сама ты не можешь? А, ну да, у тебя же пасть занята… мною… – лепетала Танька, одновременно судорожно пытаясь прикинуть в уме, сколько же туч ей надо опорожнить, чтобы загасить бушующее вокруг пламя.

Болтающаяся в пасти у крылатой собаки светловолосая ведьма вскинула руку, молясь, чтоб ершик от унитаза сошел за волшебную палицу чаклуна-тучевика. В воде-то его мочили!

– Туча, Туча, красная девица! – забормотала Танька. Нет, одной мало будет… А, ладно, небольшой потоп все-таки лучше большого пожара, – решила ведьмочка и почти без остановки затараторила:

Тучи, Тучи, красные девицы!
Батько Буривнык да тятько Громовик!
Прошу вас до нас на вечерю!

Танька попыталась изобразить в воздухе поясной поклон. Вышло плоховато, но она старалась.

З боярами, дружками та сватами,
З дудочниками та скрипалями,
Со всеми молоньями та дощами,
Бурями та громами!
Вам дорогу даю,
Не на тридевяту гору,
А в нашу землю!
Идить, бежить,
Стрелы свои несить,
Мчить на поезд та лес,
Щоб нечистый огонь исчез…

Пронзая тучи сразу во многих местах, промелькнули извилистые разряды молний. В образовавшихся дырах на мгновение возникли два лица – деды с кудлатыми, клубящимися

бородами. Две пары прозрачных, как вода, глаз нашли в воздухе ведьму – свисающую из собачьей пасти и вооруженную самой необычной палицей, какую им случалось видеть. Над пылающим лесом повисла тяжелая предгрозовая тишина… Внезапно разразившаяся раскатами грома, удивительно похожими на раскаты могучего двухголосого хохота.

Сверху хлынули плотные потоки воды, будто чьи-то ручищи враз выжали громадные губки. Тучи таяли, вода обрушивалась на огонь, вбивая его в землю. Поезд шипел и испускал пар, словно его окатили из гигантского ведра. Очутившаяся прямо под тугими, как резиновая дубинка, струями, Хортица с истошно визжащей Танькой в зубах отчаянно лавировала между хлещущими с небес водопадами. Рванув круто вверх, она проскочила сквозь облако, тут же истаявшее вокруг нее, отдав всю имеющуюся в нем воду. Поднялась дальше, стремясь оказаться выше туч.

Почти у самого ее носа пролетело все еще судорожно дергающееся отрубленное щупальце с семафорящим короткими багровыми вспышками здоровенным глазом.

Того, что случилось дальше, Хортица не поняла. То ли дрыгающаяся у нее в пасти Танька случайно подцепила эту гадость, то ли та сама на лету зацепилась подруге за руку, но глазастое щупальце в одно мгновение вдруг оказалось обмотанным вокруг Танькиного запястья, как живой и довольно противный браслет.

А сама Танька деловитым тоном, будто не она только что орала как резаная, распорядилась:

– Отпусти меня! Я уже сама могу!

Хортица нерешительно разжала челюсти, готовая в случае чего подхватить падающую ведьму. Но та ловко извернулась в воздухе, оседлала свой ершик и погнала его по спирали все выше и выше к следующему слою облаков. Хортица неслась за ней. Далеко лететь не пришлось. Почти сразу перед ними мелькнул сполох алого плаща и блеснул меч, врезаясь в дергающееся и мельтешащее переплетение точно таких же щупалец с глазами, как то, что сейчас красовалось на Танькином запястье. Только эти были еще не отрублены и в ответ на удары здухача вовсю поливали огнем – непрерывно промахиваясь, когда атаковавший справа воин сновидений вдруг перемещался влево и тут же обрушивался сверху… Никогда Хортица еще не видела его таким быстрым! Она только примерилась сама налететь на этот пучок щупалец – пока те по здухачу стрельбу глазами ведут, самое время парочку скусить! – как вдруг воин с неуловимой стремительностью метнулся с линии огня, взмахнул плащом и… враз накрыл своего противника! Еще и стянул края, будто в мешок увязывал!

И тут же стрелой прянул в небеса, волоча мешок за собой.

Внутри взревело! Прожигая дыры, во все стороны ударили языки багрового огня… Но здухач продолжал упорно забирать вверх, не обращая внимания на орущий, плюющийся огнем мешок.

Один только раз здухач вильнул в сторону: когда черная тень искаженным крестом легла на облака и пришлось отчаянно метнуться вбок, уворачиваясь от турбин самолета.

Стальная махина отделила здухача и его добычу от безуспешно догоняющей их крылатой борзой. Самолет скрылся в густом киселе облаков. Хортица зависла в воздухе, пытаясь разглядеть в простирающейся над ней беспредельной черноте неба мелькание алого плаща. Но тот уже усвистел невесть куда. Только сейчас Хортица ощутила, как бесконечно холодно на этой страшной высоте и как мучительно работают ее могучие легкие, пытаясь вытянуть из разреженного воздуха лишнюю каплю кислорода. Танька на своем ершике все еще упорно порывалась вверх. Придумала тоже: здухачу холод не страшен, не то что живому телу – вон, посинела вся, тронь ее, зазвенит, как сосулька! Обогнав ведьмочку, гигантская борзая властным взмахом крыла погнала ее обратно вниз.

Глава 10
Запуск демона на орбиту

Танька поглядела на Хортицу беспомощно. Она сама прекрасно понимала, что выше не подняться – заледенеет. Но так хотелось посмотреть, что там здухач задумал… И все ли с ним в порядке… Стоп! Чтоб смотреть – не обязательно лететь следом.

Танька сосредоточенно нахмурилась, снова подключаясь к чувствам воина сновидений. Оказывается, полупризрачная сущность не была совсем уж нечувствительной к хлещущим из прожженного мешка языкам пламени. Здухачу было больно, но он терпел жар и одновременно лед той немыслимой высоты, на которую взлетал. Туда, где царствовал вымораживающий, лютый холод… Танька поняла, что он собирается делать!

– И правда, если тупой – то совсем немножко, – пробормотала она. – А еще немножко – умный!

Похоже, ховало в мешке тоже догадывался, куда его тащат. Пара глазастых щупалец выпросталась в прожженные дыры, норовя зацепиться за проносящиеся мимо облачка, замедляя полет. Вопил ховало не переставая, и теперь в его крике все отчетливее слышались зовущие нотки. Неизвестно, кто его услышит.

Танька отключилась от здухача, задрала голову к верхнему тучевому слою. Молитвенно сложила ладони и вместо заклятья жалобно-просительным тоном проканючила:

– Извините, что снова беспокою, но не могли бы вы еще, пожалуйста!

Опять загрохотали громовые раскаты хохота, и дождь хлынул с удвоенной силой. Облака на пути летящего здухача таяли, растворяясь, выплескиваясь на землю потоками воды. Не находя зацепки щупальцам, пойманная тварь снова заверещала. Для глядящей взором здухача Таньки мир слился в сплошную полосу. С грохотом проламывающего пространство реактивного истребителя воин сновидений вырвался выше облаков, туда, где не было предрассветной мглы, где всегда пылало яркое солнце и не могло выжить ни одно живое тело. Даже полупризрачной сущности здухача приходилось нелегко – Танька ощущала охватившую его мучительную дрожь. Ей страшно было представить, на какой высоте он сейчас находится.

Из свернутого плаща в последний раз вырвался крик, похожий на призыв о помощи, и метания внутри мешка стихли. Здухач осторожно подтянул ховало к себе, опасаясь в любую секунду получить плевок огнем. Но свисающие из прорех щупальца были вялыми и неподвижными, а бегающие глазки впервые застыли, подернутые изморозью. Здухач откинул полы плаща – между заиндевелыми щупальцами вместо бурлящего сгустка грозовой тучи красовался кусок льда!

Воин сновидений поднял ховало над головой – смерзшийся и не мельтешащий щупальцами, он оказался не таким уж большим…

– Напрочь отмороженный дух! – с удовлетворением выдохнул здухач.

Чем выше, тем холоднее – правильно все объясняли на физике! А любая туча, даже если это тело ховало – всего лишь вода. А вода замерзает!

Воин сновидений в последний раз поглядел в выпученные багровые буркалы – и подбросил заледеневшего ховало в воздух. Вложив в удар все свои новые силы, влепил по ледяному мячу клинком, как бейсбольной битой… В последний раз сверкнув метеором на фоне темных небес, двенадцатиглазый дух засухи умчал в стратосферу.

«Чем леса жечь, пусть лучше на орбите болтается! – с облегчением подумала Танька. – Хотя с таким ускорением мог и в открытый космос улететь». Пора бы и здухачу возвращаться, а то тоже что-нибудь себе отморозит. Уши, например…

Здухач, похоже, тоже так думал. Он медленно спускался вниз, к слою облаков, и на губах его играла слабая улыбка – такая бывает, когда смотришь хороший сон… Его старенькие кроссовки коснулись белой пены облака, он повернулся – все с той же улыбкой на губах…

Глава 11
Скелет и его компания

Запущенный в стратосферу ховало действительно звал. И они явились. Черная карета, запряженная шестеркой белых, как призраки, лошадей, из окна которой на одинокого воина сновидений уставилась дама в старинном наряде. Во всех отношениях прекрасная, если бы ее меловой бледности лицо не покрывали вздувшиеся черные пузыри. У самых колес кареты, отталкиваясь единственной ногой от облака, прыгал карлик с тремя головами. А по их следам катилась… просто голова. Одна, без всякого намека на туловище, зато с бровями столь длинными, что они двумя свалявшимися волосяными хвостами волоклись следом. Но страшнее всех был тот, кто возглавлял процессию. На голом желтом костяке коня ехал такой же голый и желтый скелет. Оскаленный в ухмылке череп венчала корона из тускло отливающего металла. Так же тускло светился стиснутый в костяных пальцах огромный меч. В пустых глазницах мерцала тьма. Взгляд уперся в здухача, громадный меч поднялся, салютуя, и его острие нацелилось мальчишке в грудь.

Воин сновидений почувствовал, что его влечет куда-то, словно тусклый меч всасывал его. Он попытался отмахнуться своим клинком, но руки его не двигались, будто скованные невыносимой слабостью. Танька отчаянно закричала…

Внизу, в туче под ногами, снова заворчал двухголосый гром. Только сейчас это уже было похоже не на смех, а на гневное рычание. Между жуткой процессией и здухачем возник ров – тучу располосовала широкая щель. Под копытами конского скелета протаивала дыра. Колесо черной кареты, словно в колдобину, провалилось в открывшееся отверстие. Живая голова вильнула в сторону, откатываясь от возникшей на пути полыньи. Туча растворялась, не желая нести на себе страшный груз.

Ухватив своего костяного коня за стальную узду, скелет заставил его попятиться от исчезающего края тучи. Бросил на здухача многообещающий взгляд пустых глазниц, развернул скакуна и погнал прочь. За ним покорно последовала вся процессия.

Дрожащая как лист Танька шумно вздохнула. Теперь убирайся оттуда, дурак! Но здухач, кажется, вовсе не собирался бежать. Мгновение постояв, будто решаясь на что-то, он сам перелетел через отделивший его от чудовищ ров… и кинулся вдогонку за удаляющейся страшной процессией. Связь между ним и Танькой завибрировала, как слишком туго натянутый канат… И со звонким «банг!» лопнула. Последнее, что видела ведьмочка – мелькнувший в темном небе серебристый отблеск.

– Куда? Вернись, тебе нельзя так далеко от тела! – крикнула она, но было уже поздно. Голова у нее закружилась, и она очнулась, сидя верхом на ершике много ниже и дальше того места, откуда воин начал погоню. Рядом, встревоженно разглядывая ее изумрудными глазами, парила громадная хортая борзая.

– Тело, – тупо повторила Танька, растерянно глядя вниз. – Тело! – в ужасе завопила она и со свистом понеслась к земле.

Сзади послышался недоуменный собачий взвизг и хлопанье громадных крыльев, но светловолосая ведьмочка не оборачивалась. Рыча от нетерпения, она все мчалась и мчалась – с такой скоростью, что затормозить над рельсами не удалось. Чтобы со всего разгона не врезаться прямо в шпалы, пришлось проделать над железнодорожным полотном кульбит. С трудом выровнявшись, она огляделась. Вдоль дороги стояли почерневшие от пламени, выгоревшие, насквозь мокрые деревья. В нос бил острый запах золы и влаги, заставляя парящую над рельсами Хортицу дергать чутким носом.

А чуть дальше шумел, облегченно трепетал тоже промокший, но живой лес! Радостный. Тихий. Ни звука. Ни гудка. Ни стука колес.

Поезда давно и след простыл.

Отчаянно гикнув, девчонка помчалась в погоню. С грохотом пронесясь мимо, ее обогнала Хортица.

Глава 12
Купе Зла

Проводница проснулась. Глаза разлеплялись с трудом, будто на ресницы подвесили по тяжелому камню. Она глубоко вздохнула и тут же закашлялась – воздух оказался неимоверно сухим и горячим, словно в легкие сыпался нагретый на солнце песок. Сквозь окно падал багровый трепещущий свет, а полку кидало из стороны в сторону. Что могло заставить машиниста гнать на такой скорости? Проводница попыталась сесть и с визгом отпрянула от стены – та оказалась даже не горячей, а раскаленной. Враз растеряв остатки дремоты, она вскочила… и завопила.

Лес по обочинам пылал. Черные стволы в огненном ореоле стремительно проносились мимо. Зловеще багровые языки огня облизывали состав, как мороженое, норовя пролизать насквозь и ворваться внутрь. Царящая в купе духота стиснула виски стальным обручем, в голове клубился отвратительный зыбкий туман. Цепляясь за горячий пластик стола, проводница с трудом проковыляла к шкафчику. Только одно может помочь!

Дрожащими руками она извлекла из шкафа… сплетенную из золотистой проволоки пирамидку. Водрузила ее себе на голову и замерла в ожидании.

Царящий в голове туман мгновенно рассосался, мысли обрели четкость. Она знала, что золотая пирамидка юшинсе не подведет! Проводница ощутила себя одновременно Милой Йовович в роли Жанны д'Арк и лысым главным редактором желтого таблоида «Бульвар», который рекламировал эту пирамидку по телевиденью. Женщина вооружилась тлеющими курительными палочками и решительно шагнула в коридор.

Пирамидка продолжала работать, направляя проводницу по верному пути. В пластиковой двери третьего купе зияла сквозная дыра! Проводница удовлетворенно кивнула. Теперь смысл зловещих предзнаменований, проступивших сквозь мокрые пакетики чая, стал ей кристально ясен! Не обращая внимания на крики испуганных пассажиров, она старательно окурила палочками пробитую дверь и дернула за ручку.

Ноутбук стоял включенный на столе напротив открытого окна. Из троих пассажиров в купе остался только один. Девчонок и след простыл. Лишь мальчишка, раскинув руки, неподвижно лежал на нижней полке. Как будто где сидел, там и рухнул.

– Мальчик! – дрожащим голосом позвала проводница. – Где твои подружки? Ты слышишь меня, мальчик?

Мальчишка не откликался. Проводница нагнулась к нему и потеребила свисающую с края полки руку. С испуганным возгласом отпрянула.

Рука мальчишки была мертвенно-холодна.

– Да что же это? – пробормотала проводница, заставляя себя снова стиснуть тонкое запястье в поисках пульса. Пульс не прощупывался, и дыхания, кажется, нет!

Проводница снова бросила быстрый взгляд на окно… Оно заляпано кровью! На боковинке прорисовывался четкий кровавый отпечаток пальца!

– Сплошное детоубийство! – помертвевшими губами пробормотала проводница. Как есть – девчонки убили своего приятеля и удрали через окно, по дороге… подпалив лес? Проводница в замешательстве потрясла головой и вопросительно поглядела на небрежно брошенное на полке тело, будто дожидаясь от него подробных объяснений насчет его состояния, исчезновения девочек, огня, воды…

Воды! Много, реки, водопады воды!

Все это с невероятной силой хлынуло с небес, обрушиваясь на охватившее деревья пламя. По стеклам заструились сплошные потоки, словно чьи-то сильные руки размаши-

сто окатили поезд из гигантского ведра. Накалившиеся борта вагонов зашипели, состав окутался волной горячего пара. Сквозь распахнутое окно горячие белые клубы ворвались в купе. Жмурясь от бьющего в глаза пара, проводница кинулась к окну – надо закрыть… Вслепую зашарила по опущенной раме… Ладонь немедленно ткнулась во что-то влажное… дышащее… живое…

Проводница уставилась прямо в морду здоровенной черной собачище. Скосив ярко-зеленые глаза, псина с недоумением разглядывала теребящие ее нос пальцы. Мгновение проводница размышляла, откуда в окне ее вагона могла взяться собачья морда, и даже заподозрила, что кто-то из пассажиров вез пса без справки от ветеринара и специального «собачьего» билета… Как вдруг поняла, что сунувшая морду в окно псина… просто парит с той стороны поезда. Крыльями помахивает! Крыльями…

Распахнув пасть, летающее чудище ринулось на проводницу. Та судорожно зажмурилась, почти чувствуя, как жутко блеснувшие клыки впиваются в нее, и в последнем усилии ткнула перед собой курительными палочками… Послышался громовой чих, и у самых ног проводницы что-то тяжело рухнуло на пол и завозилось. Женщина неуверенно прислушалась – к звукам и к себе. Она понятия не имела, что ощущаешь, когда тебя едят, но что-то же должно быть… Она приоткрыла один глаз. Может, ей все почудилось, и в окне ничего не летало…

В окне летало. Светловолосая девочка верхом на… ершике для унитаза – их собственном, вагонном ершике, инвентарный номер 712! На руке у нее красовался… чешуйчатый браслет! С глазом! И этот глаз пялился прямо на проводницу! А потом моргнул! А девочка приземлилась на столик!

Зло хоть и чихало – но не отвращалось. Никому нельзя верить, даже таким дорогущим журналам! Проводница почувствовала, что звереет.

– Куда вы ногами становитесь, куда ногами? – истошно завопила она. – Скатерть со стола сами стирать будете? Вам кто на вагонном имуществе летать разрешил? – она ткнула пальцем в ершик. – В поезде надо ехать, а летать – самолетами Аэрофлота! И почему собака в купе?

– Какая? – немедленно поинтересовалась девчонка.

Проводница опустила глаза. У ее ног, будто свалившись с полки, ворочалась, пытаясь подняться, черноволосая пассажирка. Появление ребенка вместо собаки взбесило проводницу окончательно – творят ну просто что хотят!

– Я сейчас поездную милицию позову! – угрожающим шепотом процедила она, отступая. – И начальника поезда! Пусть высадит вас на первом же полустанке со всеми вашими собаками, трупами и безобразиями! – она попятилась, не отводя глаз от молча глядящих ей вслед девчонок. Круто развернулась и, уже на весь поезд заорав: – Милиция! – бегом рванула вдоль коридора.

– Первый полустанок – не самое подходящее место для поисков здухача! – пробормотала ей вслед Танька. Девчонки переглянулись…

Глава 13
Куда улетела собака?

– …Хорошо, ты утверждаешь, что никакой собаки у вас в купе не было, – усатый начальник поезда тяжко вздохнул – странный разговор, странная ситуация и девочки тоже не вполне обычные, хотя найти слова, чтобы определить их отличие от других детей, он бы не смог. Странные, и все тут!

– Я собаки в купе не видела, – педантично уточнила Танька. Ведьма должна быть аккуратной в словах, да и врать – нехорошо, поэтому она говорила чистую правду – ну не видела она, как Ирка в купе перекидывалась!

– И с собой вы ее не везли?

Танька помотала головой – конечно, не везли, Ирка сама ехала.

– Не везли! – воинственно согласилась проводница. – Она в окно влезла! А я ее палками в нос! – и чуть смутившись, добавила: – Курительными!

Пришедший вместе с начальником поезда парень в форме железнодорожной милиции поглядел на проводницу с профессиональным интересом и рявкнул:

– Давно покуриваешь?

– Кого? – обалдела проводница.

– Ну эти, палки… На первой же станции отдел по борьбе с наркотиками вызовем!

– Наркоманка! – осуждающе глядя на проводницу, ахнул начальник поезда. – Недаром вы эту штуку на голове носите! А еще говорили, для здоровья, – начальник кивнул на венчающую голову проводницы пирамидку юшинсе. – Какой позор для трудового коллектива!

Проводница морковно покраснела и выхватила из кармана коробочку с «окурками» палочек:

– Это не наркотики! Это из журнала… Против зла… – Она осеклась и, опасливо поглядев на начальство, исправилась: – В смысле, для приятного запаха…

Милиционер недоверчиво взял коробочку, поднес ее к носу… и тут же звучно чихнул. Проводница печально вздохнула – мировое зло наступало.

Успокоившийся начальник поезда подергал за ручку плотно закрытое окно купе. Рама даже не дрогнула. Он поднял глаза и пристально уставился на проводницу.

– А чего вы на меня так смотрите – думаете, с ума сошла? Я тоже так думала, когда чудище с крыльями увидела! – возопила проводница.

На лице начальника поезда снова проступило подозрение. Он опять уставился на коробочку с палочками. Милиционер завернул одну в носовой платок и сунул в карман, пробормотав:

– На анализ отдам! Не может там ничего не быть, раз собаки с крыльями! Точно гашиш!

– Не верите? – ахнула проводница. – Думаете, я все выдумала? А как же дырка в двери? И труп у них на нижней полке лежал! Мальчика!

Милиционер провел пальцем по слегка вспучившемуся пластику на совершенно целой двери.

– Ну и где тут дырка? А вспучилось от огня, наверное, – протянул он.

– И где труп? В смысле, мальчик? – оглядывая купе, устало спросил начальник поезда.

– О, слышите! – вдруг предостерегающе вскинула палец проводница.

Начальнику поезда и впрямь показалось, что он слышит то ли едва различимый шорох, то ли тихий стон. Глаза темноволосой девочки неожиданно вспыхнули, как два зеленых фонаря. Начальник кинул быстрый взгляд на милиционера – видел ли тот? Слышал ли? Судя по невозмутимой физиономии парня, тот ничего не заметил. Может, и впрямь показалось?

– Не иначе как в ящик для багажа запихали! – возбужденно объявила проводница.

Девчонки встали и посторонились, молчаливо разрешая начальнику поезда заглянуть в ящик под нижней полкой. Чувствуя себя полным идиотом, тот приподнял полку. Но одновременно к нему пришло убеждение, что проводница не совсем рехнулась – с этими девочками и впрямь не все чисто! Потому что дети так себя не ведут! Он представил собственную дочку – такого же подростка, как эти две юные барышни. Окажись она одна, без отца с матерью, среди чужих взрослых, обвиняющих ее чуть ли не в убийстве – что было бы? Да растерялась бы, конечно, потом испугалась и обозлилась, начала кричать, что ничего такого не делала, реветь, звать родителей… Даже скандалить и обзываться могла от обиды, но… Вот так, сохраняя полное хладнокровие, без единого лишнего слова дожидаться, пока обвинитель сам выставит себя дураком – такое не для ребенка! Не каждый взрослый на это способен, а только жизнью битые, во всех щелоках мытые крутые мужики да бабы, которым уже ничего не страшно, потому как они всякое видали…

– Или собачища та здоровенная схрумкала! – разглядывая пустой багажный ящик, выдвинула предположение проводница.

У черноволосой девчонки при этих словах на лице вдруг проступило возмущенно-обиженное выражение.

– Все купе было кровищей забрызгано… – продолжала проводница.

Начальник поезда еще раз оглядел купе – ничего похожего на кровь. Он и не сомневался. Зато черноволосая, похоже, не была так уверена: тоже украдкой стрельнула глазищами по стенам и окну – будто проверяла, хорошо ли прибрались. Ох, не знает он, и впрямь ли труп, но девчонки что-то скрывают!

– Так где же ваш товарищ? – начальник поезда попытался строго и испытующе поглядеть в глаза черноволосой. И тут же почувствовал… страх! Ему вдруг почудилось, что он проваливается в два огромных зеленых омута, откуда нет спасения и возврата. Он торопливо отвел взгляд. Да что такое, взрослый человек, а боится смотреть на ребенка!

– Какой товарищ? – невинно поинтересовалась светловолосая девочка.

– Та-ак, – протянул начальник поезда. – Собаки не было, теперь ты скажешь, что и мальчика с вами не было…

– Если вы обратили внимание, я вообще ничего не говорю, – в холодном тоне светленькой впервые проскользнуло раздражение. Но тоже совсем не детское, а какое-то величественное даже. Аристократическое. Сейчас она была похожа… ну прям на графиню, отчитывающую обнаглевшего городового. – Вы сами пришли в наше купе искать трупы и собак с крыльями.

– Вот и дальше помалкивай! – перебила ее проводница. – У самой глаз на руке, а туда же – болтает!

– Где глаз? – слабеющим голосом поинтересовался начальник поезда, невольно разглядывая руки светловолосой девочки. Совершенно слепые… Тьфу, господи, в этом сумасшедшем доме и сам рехнешься! В смысле, нормальные руки, без всяких глаз!

– На запястье глаз, – тем временем простодушно пояснила проводница. – Она в окно лезет – прямо на стол ногами! – а глаз на меня как вылупится! И искрами сыплет!

– Эта девочка тоже влезла в окно? – оживился «поездной» милиционер. – У нее что, билета не было?

Проводница слегка растерялась:

– Да был билет! На вокзале-то она по билету села, это уже потом, на ходу, в окно влетела!

Измученный начальник поезда уже хотел поинтересоваться, зачем человеку, который один раз сел в поезд по билету, садиться еще раз, тем более на ходу и через окно, но не успел. Проводница звучно хлопнула себя по лбу:

– Билеты! У них же у всех билеты были! И у этих двоих, и у трупа!

– Как же вы труп в вагон пустили, даже если с билетом? – совсем развеселился милиционер.

– Как же его не впустить, если он приходит, билет предъявляет, все как положено? – снова растерялась проводница. – По нему ж не видно, что на самом деле он труп!

– По трупу не видно?

– Так он тогда еще мальчишкой был!

– А потом кем стал – девчонкой?

– Трупом он стал, трупом! – завопила проводница.

– Ну-ка, замолчите! – рявкнул начальник поезда так, что не только спорщики мгновенно заткнулись, но и в коридоре, где шушукались изнывающие от любопытства пассажиры, воцарилась тишина.

– Вы имеете в виду, что на третью полку в это купе был продан билет? – повернулся к проводнице начальник.

Проводница истово закивала.

– Билет еще ничего не доказывает, – пробормотал начальник поезда, – Но в любом случае я хочу на него взглянуть…

Проводница сорвалась с места и буквально через мгновение вновь ворвалась в купе, прижимая к груди дерматиновую папку.

– Вот вы у меня где! – потрясая папкой вскричала она и плюхнулась на полку. – Пожалуйста, 9-е место! – дрожащими от нетерпения пальцами она вытащила из кармашка папки билет и вручила начальнику поезда. – 10-е место! – будто комментатор на соревнованиях, возгласила проводница. – И вот, 11-е… – проводница запустила пальцы в кармашек папки… Лицо ее стало растерянным. Она пошарила внутри. Потом оттянула край кармашка и заглянула. Перевернула папку и встряхнула. Из всех кармашков на пол густо посыпались сложенные билетики. Почти рыча сквозь стиснутые зубы, проводница рухнула на колени и принялась их разворачивать один за другим. Ворох бумаги покрыл коврик. Проводница уже не рычала, а постанывала. Наконец она стянула с головы пирамидку и попыталась утереться ею, как сельский мужик шапкой. Укололась о проволоку… – Пусто! – одними губами шепнула она. – 11-го места – нету! Украли! Но как? Папка же в шкафу была… И купе я запирала… Как же вы пролезли?

Лица девчонок остались неподвижными, просто неестественно спокойными.

– А был ли мальчик? Может, и мальчика-то никакого и не было? – решительно рубанул милиционер. – Почудилось, а? Пожар все-таки, напугались… Опять же палочки еще проверить надо…

– Я не наркоманка! И не истеричка! – в совершенной истерике закричала проводница. – Мальчик был, труп его тоже, с билетом труп, не какой-нибудь! И собака с крыльями!

– С билетом? – хихикнув, поинтересовался милиционер и тут же осекся под грозным взглядом начальника поезда.

– Без! Без билета, точно! – разошлась проводница. – Такие собаки всегда «зайцами» ездят! И глаз был! А пожар… Откуда вы думаете, пожар взялся? Тоже без них не обошлось! – тыча пальцем в девчонок, рявкнула она.

Начальник поезда откашлялся и встал. Сгреб с пола рассыпанные билеты, сунул их в папку – потом разберем – и, взяв кричащую проводницу за плечо, потянул ее вон из купе.

Девчонки остались внутри, пристально глядя на закрывшуюся дверь.

Глава 14
Труп из кошелки

– Надо будет выкинуть незаметно, – вытаскивая Богданов билет из заднего кармана джинсов, пробормотала Ирка.

Танька ее не слушала. Решительность, с которой она держалась «на допросе» у начальника поезда, исчезла, сменившись полным опустошением. Она бессмысленно уставилась в стену, качаясь вперед-назад, и повторяла одно и то же:

– Богдан… Богдан… Богдана не вернуть…

– Прекрати причитать! Сейчас же!!! – Ирка наотмашь отвесила подруге пощечину и… Глаза Таньки полыхнули.

– Эй, ты лапы-то не распускай! – хватаясь за щеку, вскричала та.

– У меня сейчас руки, – с достоинством сообщила Ирка. – Очухалась? Так почему Богдана не вернуть?

– Потому, что он здухач! Здухач, нарушивший все правила и запреты! – взорвалась Танька. – Тело здухача должно оставаться там, где он из него вышел – иначе он не сможет его найти! Просто не увидит!

– Проблема, конечно… Но решаемая! – немного подумав, пришла к выводу Ирка. – Возьму его тушку в зубы – хотя если вы с ним думаете, что мне приятно вас в рот совать, то ошибаетесь! – и буду летать над рельсами. Пока не найду точное место, где Богдан разделился. Здухач тело увидит, войдет обратно, и Богдан проснется!

– Одно маленькое «но», – саркастически сказала Танька. – Воин сновидений, кажется, не собирается возвращаться. Он занят. У него там погоня!

– За кем? – удивилась Ирка. – Там что, кроме этого, который огнем отплевывался, еще кто-то был?

– Он не отплевывался, – поправила Танька. – Он отмаргивался, – она сунула руку в рюкзак и вытащила что-то, тщательно замотанное в футболку. Осторожно развернула края…

С судорожно подергивающегося щупальца на Ирку слепо уставился багровый глаз. А потом этот неподвижный глаз… моргнул. Коротко полыхнула искра красного огня. Ирка вздрогнула и невольно отодвинулась в угол:

– Зачем тебе эта пакость?

– Пригодится, – тоном запасливого домовенка Кузьки пробурчала Танька, запихивая глазастое щупальце обратно в рюкзак. Вместо него она снова вытащила ноутбук. – Здухач ховало заморозил и уже возвращаться хотел… но тут подоспели эти… – Танька сосредоточилась, вглядываясь в монитор.

Замерев, Ирка с брезгливым вниманием изучала возникшую на экране процессию. Бесшумно погружались в облако копыта коня-скелета, но там, где они ступали, оставались проплешины, отвратительные, как черные язвы на лице путешествующей в карете дамы. Мерно покачивался в седле увенчанный короной скелет, и поспешали следом его жуткие спутники.

– Ну и компания, – нервно поглядывая на катящуюся по проложенной каретой колее голову без тела, зато с бровями, охнула Ирка. – Кто такие?

– В Европе это называют Дикой Охотой, – вздохнула Танька.

– А у нас?

– Бандой озверелой нечисти! – рявкнула подруга. – Которая каким-то образом прорвалась в наш мир через все кордоны!

– И я даже знаю – каким! – уныло протянула Ирка.

Ведьмочки переглянулись. Таможенница! Баба Яга, обычно караулящая таможню между мирами, так страстно желала погубить игроков каменецкого квеста, что явилась на последний тур игры лично! И дочки ее, неистовые ягишини-кобылицы, удерживающие границу вместе с мамочкой, тоже ведь в Каменце ошивались.

– Как сказал бы один наш знакомый ламед-вовник, Хранитель Мира: а кто ж тогда в лавке остался? В смысле, на Таможне? – пробормотала Ирка. – Но если они просочились через Таможню, пока Баба Яга бдительность утратила, то куда они прутся теперь?

– Куда, куда… – злобно проворчала Танька. – Где в нашем мире больше всего колдовства?

Ирка задумалась. Кто его знает…

– Где-нибудь в Карпатских горах? – вспоминая их приключения на квесте, нерешительно предположила она.

– Какая в глухомани магия?! – взвилась Танька. – Туристов развлекать? Настоящее колдовство – в больших городах, в мегаполисах. Ему там есть где развернуться и спрятаться! Пойди пойми, от чего какой-нибудь бизнесмен помер: от наложенного проклятья или плохой экологии?

Ирка поморщилась – был в ее жизни такой заклятый бизнесмен, и правда едва не помер. Надо признать, Танька права.

– Ты представляешь, что они могут в городах натворить? – убийственным тоном добавила Танька. – Тем более что тетку в карете я, кажется, узнала. Это… – Она огляделась по сторонам, явно не решаясь произнести страшное имя громко. Испуганным, едва слышным шепотом выдохнула: – Владычица Чума!

Ирка охнула – ничего себе! Она только в кино про Средние века видела города, куда заглянула с визитом дама в черной карете. Пустые города. Дома, где жители заперлись изнутри в надежде пересидеть заразу. Дома, заколоченные снаружи, откуда напрасно пытаются сбежать родичи заболевших. А их длинными палками вталкивают обратно и сжигают – живых вместе с мертвыми. Люди в страшных балахонах и пропитанных уксусом тряпках на лицах – кажется, их называли мортусами – крючьями утаскивают с улиц трупы людей и животных. А если такое начнется в их городе? Ирка представила себе центральный проспект – брошенные автомобили с распахнутыми дверцами и вздувшиеся, почерневшие трупы прямо под колесами… И ведь никто не догадается, что остановить болезнь можно, лишь отыскав даму в черном!

– Выходит, Богдан… здухач… правильно сделал, что за ними погнался? – неуверенно предположила она.

– Не думаю, что они от одного его вида сгинут – я ж на него смотрю, и ничего! – сухо сказала Танька. – А пока он их уделывать будет – знаешь, сколько времени пройдет? Связь между ним и его телом распадется окончательно – и Богдан никогда не проснется!

– Сколько продержится? – глухо спросила Ирка.

– Здухач может быть вне тела одну ночь, – ответила Танька.

– Одна ночь – это сколько? – нетерпеливо уточнила Ирка. – Шесть часов? Семь? Или от заката до рассвета?

– Откуда я знаю! – возмутилась Танька. – Наднепрянские ведьмы часов в старину не носили! Сказано – ночь, и как-то никто не рисковал проверить!

– Хорошо, будем считать по худшему варианту, – скомандовала Ирка, поглядывая на сереющее окно. – До рассвета он по-любому не успевает вернуться. Что случиться с оторвавшимся от тела здухачем?

Танька мотнула головой, борясь с подступающими слезами:

– Сперва… Теряет форму и становится как будто вихрь… Даже поверье есть, что нельзя ничего бросать в вертящийся смерч, потому что на самом деле это здухач, бьющийся

с нечистью… А потом смерчик становится все слабее, тает… И растворяется! А тело так и остается – в вечном сне.

Словно в ответ на Танькины слова в купе снова раздался приглушенный мальчишеский вскрик.

Ведьмочки замолчали, прислушиваясь.

– Говорят, в сильный ветер голоса потерявшихся здухачей слышны, – печально сказала Танька. – Это они свои тела ищут. Только ни один еще не нашел. Если связь разорвалась – все! – рот ее исказился плачем.

– А наш – найдет! – отрезала Ирка. – Пока у нас есть время – и целое живое тело с нормальным здухачем. Притащим, носом натыкаем и обратно запихнем.

– Да пойми же ты – невозможно! – провыла Танька. – Они свое тело просто перестают видеть – поэтому и обратно попасть не могут.

– Значит, найдем способ, чтоб наш свое тело разглядел! – сквозь зубы рыкнула Ирка. – Или ты возражаешь? – ехидно переспросила она. – Может, он тебе такой больше нравится? Тихий, спокойный, лежит – ничего не говорит насчет толстого зада у некоторых…

– Заглохни, Ирка! – рявкнула Танька и швырнула в подругу рюкзаком.

Ирка поймала его на лету и сунула в угол.

– Тело на место разделения тащить – толку нет, – деловито объявила она. – Везем домой, пристроим в безопасное место…

– В твой колдовской подвал, – вытирая глаза ладонью, вставила Танька.

Ирка согласно кивнула:

– И тогда уж решим, где искать здухача, как помочь ему уделать эту банду и как его потом возвращать…

– А может, сразу возвращать? – робко предложила Танька. – Пусть банда пропадет пропадом!

– А ты знаешь? – Ирка с интересом поглядела на подругу.

– Что знаю? – растерялась Танька.

– Ну, заклятье… Чтоб она пропадом пропала?

– Нет, – Танька смутилась. – Я в другом смысле сказала…

Ирка сочувственно посмотрела на нее.

– Думаешь, здухач уйдет с поля боя? – тихо сказала она. – Когда такое прет? Ты Богдана не знаешь?

Танька отвернулась к окну. Она знала Богдана, слишком хорошо знала. Ирке легко говорить, они с Богданом – всего лишь друзья… Танькины мысли словно споткнулись, испуганными мышами заметавшись во все стороны. Ирка с Богданом – друзья, а она, Танька, этому невыносимому нахалу тогда кто – не друг? Пожалуй, нет… Друзья так не раздражают. Но если они с Богданом даже не друзья – почему ей сейчас хуже, чем Ирке? И почему ей плевать, что может сделать с городами прущая на них нечисть? Да пусть что угодно делает! Лишь бы Богдан не лежал вот так! Как мертвый…

– Подъезжаем уже! – бросила Ирка, щелчком пальцев убирая морок, прикрывающий стоящую на верхней полке здоровенную пластиковую сумку на молнии. Ухватившись за края, стянула ее вниз.

– Ты соседям деньги за сумку оставила? – бережно поддерживая край, чтобы сумка не стукнулась о столик, пропыхтела Танька.

Ирка молча кивнула.

Поезд медленно втянулся в вокзал. Тяжело пыхнув, будто выдыхая пыль нелегкой дороги, устало привалился к перрону.

– Лучше в толпе идти, не так видно! – пробормотала Ирка, цепляя на спину рюкзак и хватаясь за ручки купленной в соседнем купе (правда, без ведома соседей) сумки. – Пусти,

Танька! Кто тут у нас оборотень – я и одна донесу, ты мне только мешаешь! Вон, Богданов рюкзак возьми!

Отодвинув дверь купе, Ирка краем здоровенной сумки вклинилась в цепочку выходящих пассажиров. Заработала несколько удивленных взглядов, скользнувших по изящной девочке, легко, одной рукой держащей на весу тяжеленную поклажу. Ступила на железную лестницу вагона… Край сумки навис над верхушкой золотой пирамидки, по-прежнему заменявшей проводнице форменный берет. Почувствовав над собой движение, стоящая на перроне тетка подняла мрачные глаза – при виде девчонок лицо ее вдруг вспыхнуло азартом.

– Сумка, – раздельно сказала проводница. – У вас не было сумки, с одними рюкзаками садились! Они говорят – я насчет трупа ошиблась! – голос проводницы торжествующе зазвенел. – Только вот насчет багажа я никогда не ошибаюсь! Откуда сумка взялась? Мальчика убили, а кошелку сперли! – проводница метнулась к подножке и, растопырив руки, ухватилась за поручни, перекрывая девчонкам выход. – Пусть с вами вокзальная милиция разбирается, а я вас отсюда не выпущу!

Позади застрявших на верхней ступеньке девчонок шумели пассажиры. Любопытные взгляды со всех сторон сошлись на них. Танька почувствовала себя хуже, чем под прицелом багровых буркал ховало. И оттого разозлилась по-настоящему.

– Зовите милицию! – звонко, на весь перрон сообщила она. – А я пока дяде Жене позвоню!

– Предполагается, что мы должны спросить, кто такой дядя Женя? – выныривая откуда-то сбоку, поинтересовался начальник поезда.

– Адвокат моего папы, – любезно сообщила Танька. – Мне как раз давно скутер хотелось, а родители говорят, что это лишняя роскошь. Вот железная дорога мне его и оплатит! В возмещение морального ущерба, – пояснила она.

– Я тебе оплачу! Я тебе так оплачу! – заверещала проводница.

– Тс-с, – протянул начальник. – Тихо! Девочки, давайте решим все по-хорошему. Дело и вправду странное. Проводница говорит: мальчик с вами был, а сумки не было, теперь мальчик исчез, сумка появилась…

– Вы думаете, мы из мальчика сумку сделали? – невинно поинтересовалась Танька, разглядывая пестрый, в цветных разводах клеенчатый баул и мимоходом успокаивающе дотрагиваясь до мокрых от пота Иркиных пальцев, судорожно стиснутых на ручках.

– Я уже и не знаю, что думать, – сознался начальник. – Вы же не будете возражать, если я посмотрю, что у вас в сумке?

– Будем, – с ласковой уверенностью сказала Танька, и протянутая рука начальника поезда повисла в воздухе. – У нас там трусики грязные лежат, я не хочу, чтобы вы на них смотрели. Вы, конечно, можете и наплевать на мои возражения – но тогда мне, наверное, на целую машину хватит.

– Пропусти их, – отступая в сторону, сказал начальник поезда.

Проводница поглядела на него непонимающе:

– Пропустить? Да ведь они же врут! Это ж трусы с парашют иметь надо, чтоб такую сумку набить! Да что с ними разговаривать!

И прежде чем кто-то успел понять, что она хочет сделать, проводница подпрыгнула и со всей силы дернула за болтающуюся у Ирки в руках сумку. Клеенка с треском разорвалась вдоль молнии. Сумка накренилась… Прямо на проводницу, взмахнув руками, вывалилось тело мальчишки.

Глава 15
Здухач vs. все

Прячась в густой толще подсвеченных лучами встающего солнца облаков, здухач старался не терять из виду процессию. Страшную процессию, действительно страшную. Он никогда не осмелился бы признаться ведьмам, но чувствовал, как его буквально размывает от ужаса. А его тело наверняка должно стонать и вскрикивать во сне, пугая девчонок. Хотя связь с телом он сейчас ощущал смутно – как будто их разделяла стена, и только тоненькая ниточка тянулась сквозь каменную кладку, не позволяя воину сновидений совсем оторваться от спящего далеко внизу мальчишки. После песни Алконоста в здухаче вроде бы бурлили новые силы: и зрение стало всепроникающим, и он по-прежнему мог развить невероятную скорость, да и сыплющиеся с меча серебряные искры оказались большим подспорьем в драке… Но без привычной связи с человеческим обликом он все равно чувствовал себя слабым. Как будто одну его половину накачали до размеров Шварценеггера и еще базуку дали, а другую – р-раз! – и отрезали!

Впрочем, с этой компанией он бы и в целом виде не очень-то потягался. Ховало едва не сжег его своими огненными взглядами, а остальные казались еще страшнее. Здухач уныло уставился на шествующую по облакам четверку. Он ведь выходил с нечистью один на один! И даже один на много! Но никогда ему еще не случалось натыкаться на тварей, таких жутких и таких сильных!

Копыта конского костяка месили облако. От восседающего скелета веяло такой древней и злой мощью, что здухач поторопился отвести взгляд. Впрочем, разглядывание кареты, за занавесками которой скрывалась изуродованная черными язвами дама, тоже удовольствия не доставляло. Сквозь сомкнутые веки он с сомнением поглядел на скачущего на одной ноге уродца. Три головы покачивались в такт каждому прыжку, как кисточки на палочке тамбурмажора, шагающего впереди военного оркестра – вверх-вниз, вверх-вниз… На трех совершенно одинаковых лицах застыло выражение дебильного счастья – прыг-скок, прыг-скок… Лица катящейся следом головы было толком не рассмотреть – мелькали то нос, то ухо, то затылок, да еще крутились вокруг, взвиваясь и опадая, косицы длиннющих бровей.

Вот с ними он бы потягаться мог – если один на один! Здухач почувствовал мгновенный обжигающий стыд. Трус! Настоящий воин сновидений не станет раздумывать и выбирать себе противника попроще! Он с боевым кличем кинется прямо в гущу многочисленной нечисти и если даже не сумеет победить, то погибнет, доказав, что он… полный идиот!

Слова, прозвучавшие в его голове, были так похожи на обычные выступления Таньки, что здухач даже прислушался к себе – не иначе как ведьма снова подключилась к его сознанию. Но нет… И в облаках, и внутри себя он был один. Только он мог остановить прущую нечисть, от которой миру явно ничего хорошего не светит. Поэтому давай, воин, соображай!

Еще совершенно не зная, что он собирается делать, воин сновидений начал под прикрытием облаков приближаться к процессии. Подкрасться бы к ним как-то… незаметно… Он выругал себя за глупость. Если возглавляемая скелетом в короне нечисть марширует по облакам, как по асфальту, это не значит, что облака и впрямь превратились в непроницаемый асфальт! Для него-то они по-прежнему очень даже проницаемы!

Со всей доступной ему скоростью здухач пронесся вперед и затаился, внимательно вглядываясь в раскинувшееся у него над головой поле облаков. Минуты тянулись бесконечно… Наконец сквозь белое туманное марево медленно и даже величественно проступили тени. Будто из-под воды, здухач смотрел сквозь облако, как над ним, светя голыми ребрами, проплывает скелет коня с покачивающимся в седле страшным всадником. Следом протопо-

тали бледные кони. Скрипя колесами и переваливаясь на воздушных ямах, как на ухабах, проехала черная карета. Здухач всплыл поближе и отвел меч…

Живая голова вырвалась вперед и теперь катилась у самых колес кареты. Последним прыгал одноногий трехголовый монстр. Здухач на мгновение заколебался – он рассчитывал на другое… А впрочем, и так все должно получиться.

Он потянулся сквозь толщу облака. Высунувшиеся на поверхность пальцы вмиг сомкнулись на единственной щиколотке прыгучего урода – одним сильным рывком здухач дернул его к себе. Не успев вякнуть ни одним из трех ртов, монстр провалился. Меч в другой руке здухача полоснул по шеям! «Вот бы как пан Заглоба у Сенкевича – одним ударом три головы снести!» – успел подумать воин сновидений.

Гибко, как змея, монстр изогнулся в позвоночнике. Рассыпающий серебряные искры меч безобидно свистнул над ним. Все три головы, словно тройным тараном, ударили в грудь здухача… Тот пошатнулся, но ногу не выпустил. Наоборот, что есть силы тряхнул противника. Послышался громкий хлопок, будто коврик выбили. Монстр охнул в три глотки. Воин сновидений вскинул меч.

Что-то круглое и твердое, как ядро, врезалось в него. Здухач ощутил, как на запястье смыкаются острые зубы! Сквозь сохранившуюся связь до него слабым эхом докатились ощущения корчащегося от боли тела. Он невольно вскрикнул и разжал руку, отпуская трехголового.

Ответом ему был многоголосый хохот. Они все были здесь. Раздвинув створки кареты, глядела дама в черном – сквозь вздутые пузырями губы вылетал отвратительный, будто крысиный, смех. Грохоча ребрами, гулким басом отзывался скелет в железной короне. Даже трехголовый заливался в три горла. Не хохотала лишь живая голова. Сдавленно рыча и быстро перехватывая зубами, она перебиралась вдоль руки здухача – от запястья к горлу!

Здухач дернул рукой. Голова моталась, но зубов не разжимала, упорная, как бульдог. Вокруг взвилась новая глумливая волна. Острием серебристого клинка воин сновидений чиркнул вдоль собственной руки. Но прежде чем сияющее лезвие полоснуло ее по макушке, голова разжала челюсти и откатилась в сторону. Не теряя ни секунды, здухач завертелся на месте, разбрызгивая вокруг себя рой серебристых искр. Бледные кони взвились на дыбы. В окно кареты было видно, как цепляется за стенки черная дама. Воздух над здухачем застонал… Воин сновидений успел вскинуть меч. Тяжелый, словно камнепад, темный клинок рухнул на серебристый. Мечи скрестились. Здухач почувствовал, как темный металл тянет его в себя… Еще немного, и он, словно дождевая капля, скользнет по своему клинку, и его всосет темное лезвие… А потом – скелет? Нет!

Здухач рванул рукоять на себя. Гибкий серебряный клинок, извернувшись, как кот, выскользнул из-под темного лезвия. Скелет разочарованно щелкнул челюстью. Из ноздрей конского костяка прямо в здухача вырвалась струя смрадного сладковатого дыхания. Здухач увернулся. И тут же крутанулся обратно, спасаясь от копыт бледной упряжки. Снова перекатился – выставив головы, трехголовый едва не протаранил его, но промахнулся и с силой врезался в бортик кареты – изнутри послышался протестующий крик. Воин сновидений попытался полоснуть урода мечом вдогонку… Воздух подломился гнилой ступенькой, и воин будто рухнул в яму – откинув непомерно длинные ресницы и приподняв тяжелые веки, живая голова пялилась на него, и воздух скрипел и проваливался, отказываясь держать полупризрачное тело. А сверху уже падала черная сталь клинка!

В последнюю секунду, изогнувшись, здухач вывернулся из-под острия. Попытался подсечь ноги коня-скелета – лезвие лишь чиркнуло о массивные пожелтевшие кости. Мертвый конь снова дохнул на него. На сей раз волна смрада накрыла здухача. Сознание его помутилось, под сомкнутыми веками замелькали картины, каких не случалось видеть и в самом страшном сне. Бесконечными полями лежали трупы, трупы, трупы – павшие кони,

раздувшиеся туши коров, рухнувшие прямо из поднебесья окоченевшие птицы… И над всем этим ужасом поднималась волна все того же сладковатого смрада. Люди вдыхали жуткий запах и тоже валились, бездыханные…

Задыхаясь, здухач забился под копытами костяного коня. Вновь послышался многоголосый хохот. Сквозь муть под веками он разглядел, как над ним смертоносным крылом истребителя вздымается темный меч… и не мог пошевелиться. Наполненный смрадом воздух навалился, как могильная плита, не давая ни двигаться, ни дышать…

По тоненькой ниточке, связывающей его с телом, вдруг хлынула волна живительного, абсолютно чистого, пьянящего кислорода, размывая придавившую тяжесть невыносимого смрада. Здухач вдруг ощутил себя бесконечно легким, невесомым… Его полупризрачную сущность завертело с неимоверной скоростью, он закружился роем серебряных искр…

Темный меч пронзил воздух. Под ногами мертвого коня больше не было беспомощного, поверженного воина. Мерцающий белым огнем смерч выскользнул из-под копыт, и тут же, словно соткавшись из искр, воин сновидений чиркнул серебряным мечом по единственной ноге трехголового страшилища. Монстр издал тройной вибрирующий вопль и задергался, брызгая вокруг каплями ядовито-зеленой крови.

Копыта скелета ударили по мечущейся меж облаков воронке смерча – мимо.

– И-и-и! – полоснуло пронзительное крысиное верещание.

Черная карета выписала крутой разворот по белым облакам. Бледные кони во весь опор неслись прямо на обратившегося в вихрь здухача. Воин сновидений метнулся вбок – темный меч упал прямо перед ним. Смерч опал – и поднялся, снова складываясь в облаченного в алый плащ мальчишку. Здухач попытался прянуть в небеса – его поволокло назад. Вцепившись зубами в край и яростно рыча, на плаще висела живая голова.

Он был все-таки прав – даже с умением вот так закручиваться винтом их все равно слишком много на одного. Он сейчас действительно погибнет, как идиот, и никого не остановит, и… светловолосая ведьма там, внизу, будет плакать. И мама, и папа над его вечно спящим телом…

Воин сновидений закричал. Гибкий меч проскользнул над темным клинком и чиркнул по скелету, оставляя на желтых ребрах зарубку на недобрую память. Скелет, изумленно уронив зубастую челюсть на костяную грудь, отпрянул. Здухач извернулся, полоснул мечом по своему плащу – все равно уже лохмотья! – голова с куском алой ткани в зубах ухнула в пену облака по самую макушку. Сорвавшийся с клинка рой серебряных искр ударил в ноздри бледных коней, заставляя тех шипеть и биться в черных постромках.

Воин сновидений взвился в воздух, пытаясь выскользнуть из кольца врагов… упорная нечисть рванула за ним. И даже подраненный трехголовый вихляющейся болезненной припрыжкой тащился следом. Они решили во что бы то ни стало уничтожить опасного противника – единственного, кто мог сейчас им помешать. И они были слишком сильны, чтобы здухач мог одолеть их! Разделить, как-нибудь разделить их!

Изломанная крестообразная тень легла на облако. Такую же он видел во время схватки с ховало… Смутная идея мелькнула в сознании воина… Он начал действовать раньше, чем мысль смогла толком оформиться.

Близко! Совсем близко! Ему надо продержаться всего несколько мгновений!

Полет здухача замедлился. Он почти завис в воздухе, позволяя врагам нагнать себя. В очередной раз увернувшись из-под копыт бледных коней, он вдруг прыгнул прямо под темный меч! Скелет в короне торжествующе скрежетнул костями. Темный и серебряный клинки снова скрестились. Над облаками пронесся звон стали и шипение рассыпающихся над облаками искр. Гибкий серебряный клинок спружинил, отшвыривая темный. Тяжестью собственного меча скелет повело в сторону… Для здухача открылся путь к бегству! Быстро,

как мысль, метнуться мимо противника – и свободен! С его нынешними возможностями – «нас не догонят»!

Вместо этого здухач полоснул по оголенным ребрам скелета, оставляя на агрессивных костях еще одну зарубку. Сзади загрохотали копыта – черная карета заходила в тыл. Сбоку слышалось шлепанье – подбирался трехголовый. А под ноги здухачу уже подкатывалась живая голова, норовя вцепиться в джинсы… Все человеческие инстинкты вопили – беги! прорывайся! Если бы его настоящие губы не остались неизвестно где, он бы их прикусил, заставляя себя остаться на месте.

Еще чуть-чуть! Еще! Продержаться!

Скелет в короне снова ринулся в атаку. Здухач пропустил его клинок мимо… Темное лезвие полоснуло воина по плечу. Отвратительное дыхание бледных коней уже било в спину. Живая голова не стала вцепляться в джинсы, а уставилась на ноги – у здухача подломились колени…

И в этот момент огромная тень накрыла всех. Еще недавно казавшийся отдаленным и почти неслышным, рокот перешел в надсадный вой. Воздух содрогнулся… и огромное, по-акульи округлое рыло самолета раздвинуло облака и… врезалось прямо в центр схватки.

Трехголового размазало по алюминиевому фюзеляжу.

Скорее всего сам здухач не успел бы вырваться. Но устремленный на него взгляд живой головы неожиданно стал спасением. Не сопротивляясь, воин рухнул вниз, вложив в падение всю доступную ему скорость.

Запрокинув голову, он несся к земле. Гигантское стальное брюхо самолета проплыло над ним. Он успел увидеть, как бледные кони закладывают немыслимый вираж, но болтающаяся сзади карета не успевает… Вертясь и кувыркаясь в потоках взбаламученного воздуха, закручивая штопором постромки и заматывая в них в ужасе бьющихся коней, черная карета унеслась в сторону. Живую голову кидало и подбрасывало в реверсной струе. Выброс из сопла облизнул чернеющий костяк коня и его всадника. Нестерпимый грохот проносящегося над головой самолета стеной свалился на здухача, отбрасывая его еще ниже. Воздух вокруг содрогался и корчился, будто исходящая от стальной туши дрожь драла его на части. Здухача вертело в стремительных смерчах, швыряло из одной воздушной ямы в другую… и оставило измочаленного болтаться в постепенно затихающей буре. Колебания воздуха успокаивались. Рев моторов удалялся, удалялся, стихал, превращаясь в едва слышный рокот. Смолк совсем.

Легко качаясь на воздушных волнах, здухач выпрямился и огляделся. Розовые и золотые от лучей молодого утреннего солнца, мимо него плыли пышные, как сливки на торте, громады. Над головой простиралось широкое и какое-то беспредельно глубокое голубое небо. Ни одно постороннее движение не сбивало скользящий бег облаков. Никого из его недавних противников не было видно.

Здухач глянул вниз… и гневно колыхнулся. Кренясь на один бок и задирая пустую, без колеса, ось, к земле уносилась черная карета!

Что ж, он и не надеялся, что созданный из простой стали самолет действительно уничтожит его противников. Вряд ли хоть при одном заводе держат квалифицированную ведьму, способную превратить обычную авиационную сталь в наговоренную! Но теперь враги разделены. Значит, будем бить по одному, на земле. Кто не спрятался – здухач не виноват!

Воин сновидений вскинул меч и помчался вдогонку за спускающейся черной каретой.

Глава 16
Пациент скорее жив

Проводница заорала. Будто эхом отвечая на ее вопль, валящийся из раскрытой сумки мальчишка тоже закричал!

Широко раскинув руки, словно намереваясь обнять проводницу, рухнул ей на плечи. Не удержавшись, она плюхнулась на асфальт. Замерла, сведя глаза к носу – мальчишка, снова неподвижный и безучастный, лежал у нее поперек коленей. А на окровавленном запястье у него виднелись четкие следы зубов!

– Я же говорила – собака, а мне не верили, – с тихой убежденностью сказала проводница и вдруг заорала во всю глотку: – Убили! Покойниками насмерть закидали! Держите девчонок, это они мальчиками разбрасываются!

Ирка почувствовала, как ее хватают за локоть – кто-то из толпившихся позади пассажиров среагировал на крик. Не глядя, она ударила локтем, ощутила, что свободна, схватила Таньку за руку и прыгнула…

– А-ах! – в едином порыве выдохнули люди на перроне. Такого прыжка не бывает и у самых лучших спортсменов! Девочки перелетели над головой у проводницы и, ударившись подошвами в асфальт, приземлились на другой стороне платформы. Волоча Таньку за собой, Ирка рванула к подземному переходу…

– Богдан остался… – слабо вякнула Танька, пытаясь оглянуться назад.

– Потом! – рявкнула Ирка, почти скатываясь по ступенькам и слыша, как сзади нарастает топот погони и крик:

– Девочки, стойте! Держите их!

Возглавляющий погоню начальник поезда резко затормозил внизу лестницы подземного перехода. Под его ногами валялась грязная и разорванная яркая пластиковая сумка, а далеко впереди, почти у самого выхода, обремененная чемоданами толпа колыхалась, словно кто-то лавировал между пассажирами, со всех ног стремясь убраться подальше. Распихивая встречных плечами, начальник поезда побежал туда.

Не отрывая сверкающих яркой зеленью глаз, Ирка смотрела, как он озирается всего в одном шаге от замерших беглянок. Но его взгляд скользил мимо, словно обтекая зеркальный купол вокруг девочек. Еще несколько мгновений Ирка следила, как спины начальника поезда и подоспевшего милиционера мелькают в толпе, стремительно удаляясь прочь. Она выразительно посмотрела на Таньку и приложила палец к губам. Подруга согласно кивнула. Круто повернувшись, Ирка взбежала обратно по лестнице. Тщательно следя, чтоб ненароком не коснуться спешащих навстречу людей, быстрым шагом снова направилась к вагону.

Зевак вокруг распростертого на асфальте тела оказалось немного, а те, кто были, старались глазеть издалека. Виной тому была проводница. Припав возле неподвижного мальчишки на колени, она крепко держала его за плечи, склоняясь к нему, словно убитая горем мать. Только на лице ее вместо страдания светилось подлинное упоение.

– Говорила – труп! Вот, пожалуйста – труп и есть! – бормотала она, встряхивая Богдана за плечи. Голова бесчувственного мальчишки качалась туда-сюда. – Не верили мне! А как трупы градом посыпались, так сразу убедились! Вы, женщина, куда ручонки тянете? – рявкнула она на пожилую даму, действительно сунувшуюся к Богдану. – А ну отошли от моего трупа!

– Ваш труп мне не нужен, – пробормотала шарахнувшаяся от неожиданности дама. – Я хотела мальчику помочь… Я врач!

– Врач – это в больнице и в белом халате, – повернувшись так, чтоб загородить Богдана плечом, отрезала проводница. – А не на перроне с чемоданами. Пассажирка вы! – тоном, каким кричат: «Я тебя узнал, ты Фантомас!» – провозгласила проводница.

– Вы сумасшедшая? – разглядывая венчающую голову проводницы пирамидку юшинсе, поинтересовалась пожилая дама.

– Да что вы как сговорились – сумасшедшая, сумасшедшая… Какая же я сумасшедшая? А что собаку с крыльями вижу, так я ее еще найду! Труп же покусанный нашла! – в подтверждение она потрясла бессильно болтающейся окровавленной рукой мальчишки.

Рука покорно мотнулась туда-сюда и вдруг приподнялась и резко хлопнула проводницу по носу. Женщина поперхнулась и замерла.

Невидимая для нее и всех остальных Ирка метнула на Таньку яростный взгляд и выразительно постучала себя согнутым пальцем в лоб. Жалко, когда отводишь глаза, разговаривать нельзя, а то б она сказала! Танька смущенно пожала плечами и торопливо отпустила руку Богдана, которую она как раз собиралась аккуратненько изъять из жесткой хватки проводницы.

Но проводница освободила руку сама. Уложив мальчишку прямо на асфальт, она даже чуть попятилась, так и не вставая с четверенек. И с упреком спросила:

– Ты чего дерешься? Трупам не положено! Ты представляешь, что начнется, если каждый труп будет в нос давать?

Момент для спасения Богданова тела был, пожалуй, самый подходящий. Другого могло и не представиться. Стараясь не глядеть по сторонам, чтобы не потерять так нужную ей сейчас сосредоточенность, Ирка неслышно и незаметно скользнула мимо проводницы. И ухватила мальчишку за щиколотки.

Глаза женщины расширились. Лежащее на перроне неподвижное тело едва заметно дрогнуло… Ноги его чуть-чуть приподнялись над землей, да так и зависли… Тело медленно поползло прочь, тихо шурша спиной по асфальту.

– Куда пополз? – закричала проводница, плашмя падая на перрон и ловя удирающее тело за запястья. – А ну стой!

Цепенея от изумления, толпящиеся на перроне люди наблюдали, как женщина, лежа на животе прямо на грязном перроне, зачем-то дергала туда-сюда тело бесчувственного мальчишки. То к себе потянет так, что аж жилы на лбу вздуваются! То вдруг от себя начнет отталкивать, да странно так, рывками, словно с другой стороны мальчишку кто-то за ноги дергает…

– Что вы делаете? – наконец возопила окончательно ошалевшая женщина-врач, наблюдая, как тело мальчишки ездит по асфальту – вперед-назад…

– Помогли бы лучше… – сквозь стиснутые в запредельном усилии зубы пропыхтела проводница. – Видите, труп убегает! Про такие шустрые… трупы… в журнале «Тайны и загадки»… писали… Зомби называются! А девки при нем не иначе как ведьмы! Ишь, как покойничка к себе тянут!

Женщине-врачу на долю секунды показалось, что она слышит короткий яростный выдох, а в воздухе соткались две тени – и прямо в проводницу вперились две пары горящих лютой зеленью глаз. Женщина сморгнула – и все исчезло. Пятки бесчувственного мальчишки стукнулись об асфальт, словно их кто-то отпустил. С торжествующим воплем проводница дернула тело к себе…

Послышалось громкое завывание сирены. Переваливаясь тяжелыми боками и распугивая шмыгающих под колесами пассажиров, прямо на платформу вкатила машина «Скорой помощи». Из нее выскочили двое мужчин в белых халатах.

– Вот это настоящие врачи! – возликовала проводница.

– Ну наконец-то! – с облегчением выдохнула и женщина-врач, торопясь к коллегам навстречу.

На ходу раскрывая старый квадратный чемоданчик, двое в белом бросились к мальчишке – невидимые для них Ирка с Танькой едва успели увернуться… В воздухе блеснул шприц.

– Нечего на трупы дефицитные лекарства переводить, – проворчала проводница, глядя, как игла входит в худую мальчишескую руку.

– Мальчик жив, – отнимая от груди Богдана стетоскоп, отрывисто бросил врач. – Дыхание поверхностное, сердцебиение прослушивается – слабое…

– То вы не поняли, доктор, – с полной уверенностью в своей правоте перебила его собеседница. – Какой же он живой? Я прям всей пирамидой чувствую… – она дотронулась до острия на голове, наэлектризованная о волосы пирамидка кольнула искрой. – О! – проводница предъявила всем указательный палец как неопровержимое доказательство собственной правоты. – Зомби он! Дурит вас, а вы верите. Вы его прикопайте где-нибудь. Если надо, я местечко подскажу. Все будет фэн-шуй!

Доктор странно покосился на нее. Нетерпеливо переминавшаяся у него за спиной женщина-врач коснулась его плеча и поманила за собой. Насторожившая собачий слух Ирка услышала торопливый шепот:

– Неадекватное поведение… Не подпускала к ребенку врача… Галлюцинации… Вероятно, результат стресса… Может быть опасна для окружающих… Нельзя допустить, коллега…

Врач «Скорой помощи» глядел на железнодорожницу все с большей опаской и наконец, коротко кивнув, подал торопливый знак своему санитару – уноси мальчишку, скорее! Тот одним движением подхватил Богдана на руки и кинулся к «Скорой». Врач решительным шагом направился к сидящей на асфальте проводнице и крепко взял ее за предплечье.

– А поедем-ка с нами…

– Зачем это? – невольно поднимаясь на ноги и косясь в сторону своего вагона, переспросила проводница. – Работа у меня!

– Вы нам место обещали показать, хорошее, – со всей серьезностью сказал врач, подталкивая ее к «Скорой». – Мы без вас не найдем.

– А начальник мой не будет против? – все еще сомневаясь, проводница невольно сделала шаг в сторону «Скорой».

– Ни-ни-ни, – замотал головой доктор. – Начальники в таких случаях всегда только «за».

– Но вы ж ему скажите, что я с вами, на «Скорой» уехала… – влезая внутрь фургона с красным крестом на борту, потребовала проводница.

– Обязательно скажем, – заверил врач, усаживая ее в кресло рядом с узкой койкой, на которой уже лежал бледный Богдан. – И даже справочку дадим, когда выпишетесь… То есть когда закончите… – и он ловко затянул поперек талии проводницы тугой ремень, фактически пристегивая ее к креслу. – Так положено, – строго сказал он в ответ на ее протестующий возглас. – Гнать же будем – чтоб зомби закопать побыстрее.

Врач попятился к распахнутым дверям фургона. На мгновение замешкался – ему вдруг показалось, что он слышит чье-то дыхание, и мимо него внутрь проскользнули какие-то тени. Топчан заскрипел… Доктор завертел головой по сторонам… Никого. Да и кто может скрываться в крохотном фургоне «Скорой»? Доктор выскочил наружу, торопливо захлопнул двери и залез в кабину. Перекрывая воем сирены городской шум, «Скорая» рванула с места.

Пронесясь через широкий больничный двор, машина лихо затормозила у распахнутых дверей приемного покоя. Доктор вывел из фургона проводницу.

– Чего мы сюда-то приехали? – недовольно проговорила та. – Я ж сказала – прямо за вокзалом подходящее место! Чем вы слушали? Теперь возвращаться надо!

– У нас в больнице тоже отличное место есть. И люди хорошие, тихие, – аккуратно заворачивая ее в сторону здания с надписью «Психоневрологическое отделение», ласково приговаривал доктор. – Посмотрите, вам понравится…

Мимо торопливо проехала каталка, на которой уже лежал укрытый простыней до подбородка мальчишка. И скрылась в дверях.

Торопящейся с капельницей медсестричке все время казалось, что позади нее звучат легкие шаги. Она несколько раз даже настороженно оглянулась – но никого, конечно, не увидела. Руки медсестры были заняты капельницей, она попыталась мизинцем подцепить ручку двери с надписью «Реанимация». Обычно тугая дверь подалась с неожиданной легкостью и распахнулась широко-широко, будто кто-то ее придержал. Стараясь не разбить тяжелые банки с раствором, медсестра прошла внутрь. Дверь немного постояла открытой, словно пропуская еще кого-то, и мягко захлопнулась. Балансируя тяжелой громоздкой капельницей со свисающими трубками, медсестра заторопилась по коридору и наконец остановилась у палаты.

– Что ж вы дверь не закрываете, Ниночка, дует! – раздраженно сказал пожилой доктор, склоняясь над лежащим в постели бледным, как мел, мальчишкой.

Медсестра Ниночка оглянулась – дверь палаты тоже вела себя странно. Она замерла на середине движения – ни открытая, но и не закрытая. На окрик доктора сама дисциплинированно захлопнулась.

– Вот так-то лучше! – проворчал пожилой врач, выпрямляясь. – Значит, так, Ниночка, – распорядился он. – Противостолбнячный укол – и сразу повязку на всю руку. Видите, что делается! – врач приподнял простыню, открывая руку мальчика.

Ниночка приглушенно ахнула. И словно эхом за спиной послышался едва слышный сдвоенный вздох. Рука мальчишки от запястья до предплечья была покрыта следами укусов! Будто ее кто методично жевал!

– Прививку от бешенства? – дрожащим голосом поинтересовалась Ниночка.

Врач покосился на нее как-то странно.

– Вы не заметили, Ниночка, – неловко начал он. – Это следы… человеческих зубов. Только очень крупных.

Ниночка ахнула снова. Врач помотал головой – ему показалось, что за спиной у медсестры промелькнул зеленый отблеск. Нет, ничего…

– Возможно, коматозное состояние вызвано стрессом, – кивая на искусанную руку, заключил врач. – Состояние пока стабильное…

Именно в эту секунду мальчишка начал биться на койке. Его лицо мгновенно опухло и почернело, судорожно работающие легкие отчаянно пытались втянуть хоть каплю воздуха…

– Он задыхается! Кислород, быстро! – рявкнул врач.

Но Ниночка уже и сама ловко накрыла лицо пациента кислородной маской. Раздалось тихое шипение… Мальчишка еще несколько раз судорожно дернулся… и затих, успокоился, ровно задышал, грудь его спокойно поднималась и опускалась.

– Фух! – доктор вытер пот со лба. – Присматривайте за ним, Ниночка. Пусть еще полежит под маской, потом, если все в порядке, поставите ему глюкозу и физраствор. Родителей известили?

Ниночка покачала головой:

– О нем ничего не известно – с вокзала привезли.

– На вокзального бродяжку не похож, – задумчиво сказал доктор, направляясь к двери. – Ребенок чистенький, ухоженный. Свяжитесь с милицией, может, уже ищут.

Медсестра коротко кивнула ему вслед, заправила шприц и ловким движением ввела иглу в тоненькую, едва просматривающуюся вену. Под давлением поршня противостолбнячная жидкость медленно ушла внутрь. Медсестра потянулась за бинтами. И застыла в изумлении. Поперек предплечья мальчика алел длинный глубокий разрез! Но Ниночка могла поклясться чем угодно – только что, когда она делала укол, никакого разреза не было!

Наконец отвлекшись от бесплодных догадок, Ниночка обработала рану и туго забинтовала руку. Собрала материалы… Еще минуту постояла, недоверчиво поглядывая то на странного пациента, то на дверь… Наконец, решившись, взялась за ручку. Дверь открылась, как обычно, слегка заскрипев. Все еще недоверчиво поглядывая, медсестра вышла, тщательно притворив створку за собой.

– А может, не будем его никуда тащить, тут и оставим? – прозвучал из пустоты звонкий голос.

Посреди опустевшей палаты, словно из воздуха, соткались два девчоночьих силуэта.

Глава 17
Черная карета в пятой горбольнице

– Ясно же, что он в драку ввязался, – Ирка поправила на Богдане простыню. Пальцы ее слегка подрагивали. Никогда ей не приходилось отводить глаза так долго, да еще такому количеству народу. – У меня в подвале мы так о нем позаботиться не сможем, – она показала на кислородную маску и бинты.

– А если больница родителей его найдет? – возразила Танька. – Им нельзя его таким видеть! – голос ее дрогнул, и она сама отвернулась, стараясь не смотреть на вытянувшееся под простыней тело.

– Не найдет, – уверенно сказала Ирка. – Родители Богдана не ищут, думают, что мы еще не приехали. И пока вечером с работы не придут – искать не станут. А мы к тому времени, может, его уже обратно вернем!

Губы Таньки дрогнули… Но она крепко стиснула их, так и не спросив: что будет, если они не сумеют вернуть Богдана.

– Ну-у… В больнице он в безопасности – врачи за ним присмотрят… – неуверенно протянула она.

– А мы пока его вторую половинку отыщем! – энергично кивнула Ирка, направляясь к двери.

– Подожди… – тихонько попросила Танька, останавливаясь возле кровати и вглядываясь в безучастно запрокинутое к потолку лицо мальчишки.

– Надеешься, он тебе сейчас рожу скорчит? – грубо отрывая подругу от созерцания, рявкнула Ирка. – Пошли, не теряй времени!

Тихонько приоткрыв дверь палаты, они выглянули в коридор. Медсестра Ниночка сидела за столом. Тихо шуршали у нее под руками какие-то бумаги, потом раздался короткий призывный писк прибора. Медсестра поднялась и исчезла за дверью одной из палат. Ведьмочки торопливо прошмыгнули коридором, выскочили за дверь и, уже ни от кого не скрываясь, заспешили вниз по лестнице.

Ступеньки оборвались в крохотном закутке перед плотно запертой дверью. Девчонки нерешительно потоптались и вернулись на этаж выше. За выходящими на площадку дверями слышался шум. Они робко заглянули туда. В отличие от тишины реанимации, этот коридор был наполнен движением, рокотом множества голосов и топотом ног. С мрачно-сосредоточенными лицами многочисленные мамы и бабушки рысили из кабинета в кабинет. Через локоть у каждой были перекинуты куртки – своя и ребенка, в одной руке они держали сумки с торчащими из них бумагами, а другой сжимали ладошки разновозрастных детей. Сам ребенок с физиономией, еще более мрачной, чем у родительницы, болтался позади наподобие хвостика и при кабинетных перебежках обычно цеплялся за что попало – стены, стулья, других детей… Не оглядываясь, родительницы рывком высвобождали застрявший «прицепчик» и двигались дальше.

– Извините, не знаете, где здесь выход? – вежливо поинтересовалась Танька у одной такой мамаши, переминающейся под дверью с табличкой «Лаборатория. Кровь на анализ».

Женщина открыла рот… но тут из-за двери послышался отчаянный рев и пронзительные вопли. Мамаша вихрем влетела внутрь.

– Что вы тут делаете с моим ребенком, что он так кричит? – послышался изнутри ее гневный голос.

– Это не он кричит! Это я кричу! – ответил ей другой голос. – Ваш ребенок меня укусил!

Дружно хмыкнув, девчонки поглядели на свои вечно исколотые булавками пальцы и побрели дальше в надежде, что раз все эти люди здесь, то где-то же должна быть дверь, в которую они вошли. Коридор вел их все дальше и дальше, вильнул раз, другой, уперся в очередную дверь… Девчонки прошли в нее и… очутились на той же самой, оканчивающейся тупиком лестнице.

Дверь позади них распахнулась. Натягивая поверх белых халатов куртки, мимо энергично протопотала компания молодых парней. Девчонки переглянулись и пристроились им в хвост. Группа добралась до конца коридора, свернула, поднялась на один этаж, спустилась на другой, торопливым шагом пересекла новый коридор и втянулась в кабинет с надписью «Заведующий». Дверь за ними захлопнулась.

– А куртки они зачем надевали? – поинтересовалась Ирка, обалдело разглядывая закрывшуюся перед ее носом створку.

Танька лишь устало пожала плечами и распахнула первую попавшуюся дверь…

– Девочки, куда вы лезете? – немедленно накинулась на них очередная тетенька в белом халате. – Тут «послеоперационники» лежат, а вы в уличной одежде. Хотите кого навестить, наденьте халатики! – скомандовала она, потрясая перед ними двумя изрядно рваными и уже давно не белыми тряпками.

– Мы не навестить! – вскричала Танька, с сомнением поглядывая на так называемые халатики. Кажется, на ее куртке бактерий поменьше будет. – Мы выбраться! Мы тут у вас неизвестно сколько блуждаем – не больница, а лабиринт какой-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.